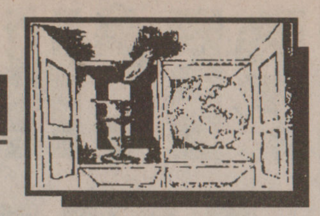
Z
№ 1 (112)
2003 год
СТРАНИЦЫ 193-208
ВЫПУСК ТРЕТИЙ
ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА

ПРОСТО ФАНТАСТИКА

Поужинай... скрипочкой

В наше время и музыка звучит как-то не так, как прежде. Наверное, это и неудивительно, если учесть, что некоторые навострились играть... на овощах. Как это сделали виртуозные музыканты из Вены.

На своих инструментах, изготовленных ими собственноручно из самых разнообразных овощей — тыкв, баклажанов, морковки и других, — музыканты играют все что угодно, начиная с «Радецкого марша» Штрауса и заканчивая джазом. Солист овощного оркестра Йорг Пирингер, например, играет на рожке, который он смастерил из тщательно выскобленного огурца, зеленого перца и морковки.

Разумеется, эти съедобные инструменты недолговечны. Перед каждым выступлением музыканты готовят себе новые, а старые после концерта съедают — не пропадать же добру!

Утешение для одиноких пенсионеров

Бизнесмен из Мюнхена (Германия) Герман Мэнфелт наладил производство больших резиновых кукол — «внуков» и «внучек», с которыми, по мнению предпринимателя, у стариков не должно быть особых хлопот. Резиновые потомки не плачут и не капризничают, не просят есть и пить. Но с ними можно замечательно коротать одиночество: и играть, и телевизор смотреть, и даже поговорить по душам.

Мы будем жить теперь по-новому!

В новом веке все должно быть по-новому: и рождения, и свадьбы, и похороны.

По самым последним сведениям, появление первого клонированного человека теперь назначено на начало 2003 года.

В немецком городе Карлсруэ модернизировали свадебные обычаи: вместо того чтобы красть невесту, гости приковали 32-летнего жениха к батарее полицейскими наручниками. А затем всем миром принялись есть кексы, в одном из которых был спрятан ключ от наручников. Этим ключом невеста и должна была освободить суженого. Но когда все кексы были съедены, заветного ключа так и не нашли. Пришлось вызывать в ресторан полицию и слесаря, которые общими усилиями раскували жениха.

А вот компания «LifeGem Memorials» из Чикаго обещает всем желающим обратить их останки... в бриллианты. За сумму, варьирующуюся в пределах от 4 тысяч до 22 тысяч долларов, после кремации тела покойного фирма извлекает из пепла углерод и превращает его в искусственный алмаз, который достается на вечную память родным и близким. Весь процесс занимает порядка 16 недель.

В будущее — на «Корабле Свободы»

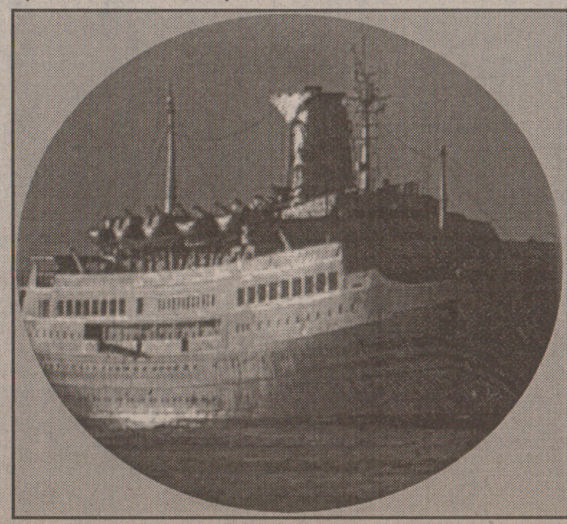
Кто не читал романа Жюля Верна «Плавучий остров»? Там речь идет о рукотворном изумительном острове с красивейшим городом; остров этот, оснащенный мощными двигателями, плавал по морям и океанам.

Нечто подобное летом 2002 года начала строить акционерная компания «Freedom Ship», расположенная во Флориде. От обычного города «Корабль Свободы» будет отличаться тем, что его состоятельные жители, сегодня позавтракав ароматными круассанами в Марселе, уже через месяц, не покидая своих жилищ, смогут любоваться гигантской статуей Христа в Рио-де-Жанейро или осматривать олимпийский комплекс в Сиднее, Австралия.

Разумеется, крупнейший в мире плавучий город (пока пальму первенства удерживает город-теплоход «The World», о котором недавно сообщалось в блоке «R» нашей газеты) не будет иметь постоянного адреса; его жители станут постоянно перемещаться, не испытывая при этом ни малейших неудобств: для них будут работать коммерческие центры, Интернет-клубы, большая больница, оснащенная по последнему слову медицинской науки, школы и колледжи с лучшими европейскими педагогами, спортивные залы, театр и прочие объекты цивилизации, говорит исполнительный директор компании Норман Никсон.

Сегодня «Freedom Ship» только начинает строиться, но 3000 семей и компаний ряда стран уже забронировали места не только для проживания, но и для работы. После спуска на воду в 2006 году этот исполин будет каждые два года совершать кругосветные путешествия, заходя даже к полюсам.

Ориентировочно строительство судна-гиганта оценено в 8 миллиардов долларов. В движение эту колоссальную плоскодонную баржу будут приводить гигантские турбины; на 25-метровой стальной надстройке разместятся взлетно-посадочные полосы, а также большой бассейн, по которому жители и гости плавучего «острова» смогут кататься на лодках, небольших катерах и яхточках.

Ошеломляющее впечатление на всех, кто знакомится с проектом теплохода, производят его фантастические размеры: длина судна — 1,54 километра, ширина — 225 метров, а высота, как у 35-этажного небоскреба, — 105 метров. Площадь «Фридома» составит 200 тысяч квадратных метров — в четыре раза больше самых крупных авианосцев; водоизмещение — 2,75 миллиона тонн (у крупнейших современных танкеров — не больше полумиллиона. В плавучем городе поместятся пять с половиной самых больших танкеров).

«Freedom Ship» станет постоянным пристанищем для более чем 17 тысяч постоянных жильцов. Добавьте к этому 20 тысяч гостей, которых планируется принимать ежедневно, и работников трех тысяч коммерческих предприятий — банков, ресторанов, магазинов, прачечных, ателье...

Цунами, смертельно опасная для любого судна (даже линкора) 30-метровая волна, бессильно разобьется о неприступные и сверхпрочные стены исполина. Волны не смогут сбить его с курса даже на 2 сантиметра!

Вместе с тем создатели этого фантастического корабля главным его достоинством считают вовсе не гигантские размеры. «Главная особенность судна — его полнейшая автономия, — заявил коммерческий директор компании Роджер Гуч. — Пенсионеры смогут отдыхать с пользой, путешествуя и познавая мир, пассажиры помоложе смогут работать на многочисленных предприятиях и в офисах. Со стороны весь проект и открывающиеся при его реализации перспективы могут показаться просто волшебством, сказкой, но ничего сказочного в этом нет. Просто никто до нас этого не делал».

Строить «Freedom Ship» будут 500 инженеров и несколько тысяч рабочих. Срок строительства — 45 месяцев. Если корабль докажет свою жизнеспособность, то компания построит еще 5 таких исполинов. В экипаже каждого будет от 4 до 10 тысяч человек.

Подготовил
Искандер ТРАНО

Шесть поводов поехать на конвент

Вы много слышали про конвенты фантастики, но все еще сомневаетесь, нужно ли это лично вам? Предлагаю вашему вниманию шесть доводов «за».

Место встречи. Фестиваль и в самом деле хорошее место встречи. Он дает возможность увидеть и ближе познакомиться с теми людьми, которых ты до этого знал только по переписке или вообще лишь слышал о них. Тут подвохов практически нет.

Полезные знакомства. С этим несколько труднее. Многое тут зависит от удачи. Приехал ли не приехал нужный человек, поймал ты его или не поймал, если поймал, то в каком состоянии... И вообще, большинство «полезных» людей приезжают на фестиваль отдохнуть, а не работать. Так что ехать только для реализации этой возможности, пожалуй, не стоит.

Посмотреть на великого. Тут все сугубо индивидуально. Некоторые понимают, что писатель, по большому счету, — обычный человек с двумя руками, ногами, одной головой и так далее. Некоторым нужно его увидеть, чтобы понять это. Для подобного фестиваль самое подходящее место — в короткий промежуток времени тут можно увидеть сразу очень много авторов. Правда, ближе к вечеру на некоторых из них лучше не смотреть, но это уже издержки.

Путешествие. Эта возможность очевидна. Большинство фестивалей проходят не в твоем городе, даже если ты живешь в столице. Поездки на фестивали позволяют побывать в незнакомых городах, дают много новых впечатлений и расширяют кругозор.

Новая информация. Из-за проблем со специализированными информационными ресурсами именно на подобных мероприятиях издатели и редактора журналов делают различные объявления. Зачастую эта информация среди участников фестиваля и остается, не распространяясь дальше. Не помогает даже Интернет.

Иногда попадаются интересные доклады, но с ними возникает следующая сложность — они проходят одновременно в разных местах. Приходится выбирать. Причем отдельные доклады никакого интереса не вызывают и могут привести только к вывиху челюсти.

Учитывая, что, как правило, доклады позже можно будет прочитать на сайте фестиваля или в одном из журналов, то это, пожалуй, не та часть конвента, из-за которой стоит ехать. В последнее время часто доклады с конов печатают в сборнике «Наша фантастика».

Концентрат. Фестиваль — это концентрация фантастики как литературного процесса. Представьте, шесть часов сна и восемнадцать часов разговора о фантастике в самых различных ее проявлениях. И так — три дня. Сами собой рождаются новые мысли, идеи, что-то переосмысливается. Появляется большой стимул к творчеству (хотя бы к написанию таких заметок =)). Конечно, чем больше конов вы посетите, тем подобное воздействие будет меньше, но на первых порах — эффект колоссальный.

Итог: как минимум один раз посетить подобный фестиваль стоит. Хотя бы для того, чтобы составить собственное мнение, а не полагаться на подобные описания. Множество новых впечатлений гарантировано, надо лишь не лениться и побывать везде, где можно и нельзя.

Хокан ЛОНДО,
г.Харьков

Жизнь в параллельном измерении

По-моему, это случилось где-то в конце семидесятых годов прошлого столетия. Развитие землян представляло слишком большую угрозу для остальных обитателей галактики, и планету вместе со всеми нами тихо и незаметно поместили в параллельное измерение. У меня есть факты! С детства я знал, что Марс обитаем и что его жители разумом не уступают нам. Я знал, что на этой планете можно ходить в легком защитном костюме и максимум неудобств при этом будут причинять изящные дыхательные трубки, по которым подается дополнительный кислород.

Я знал, что скрытая под толщей облаков непонятная жизнь существует и на Венере, и даже в гравитационном колодце Юпитера. Где все это? В этом измерении, куда нас сослали, космос пуст и безжизнен. Для прогулки по Марсу скафандр нужен не меньше, чем для прогулки по Луне, а в кислотные дожди Венеры лучше не лезть вовсе. Перемещение одновременно лишило нас и предначертанного будущего.

Я, конечно, рад, что живу еще на поверхности планеты, а не в бункере. Живу даже в отдельной квартире, не деля ее с тремя-четырьмя посторонними людьми. Воду, правда, приходится покупать, но она не очень дорога, а при желании я могу этого и не делать. Все это, безусловно, отрадно. Но ведь одновременно с экологическими катастрофами, которые нам сулили, мы лишились и наших орбитальных станций, подводных городов, поселений на Луне и в других местах Солнечной системы.

Я до сих пор сам хожу на кухню за кофе, потому что робот, которому положено этим заниматься, еще не спроектирован. Мне приходится самому управлять машиной, и, что характерно, она летает только вниз и зачастую только один раз! Слова «флаер» и «скутер» на этом фоне утратили свое первоначальное значение и теперь ассоциируются в основном с музыкой.

Новое будущее, конечно, местами фантастичнее того, которое нам обещали. Отчасти оно более спокойно, хотя трудно говорить эти слова, посмотрев ежевечерние сводки катастроф, которые сейчас называют новостями. Но одновременно это будущее более тусклое, серое, приземленное. В нем есть место подвигу, но его называют глупостью; в нем продают участки на Луне, но вы никогда не попадете в свои владения. Звезды и планеты своим именем называют не первооткрыватели, а те, кто больше платит за эту прихоть.

Что самое печальное, дорога закончилась. Никто не пишет историю будущего этого измерения. Никто не пишет про новый Марс, на котором по ночам температура падает до ста шестидесяти градусов ниже нуля. Никто не пишет про межзвездную экспедицию, которая стартует не в 2000 году, а в 2100...

Мне могут возразить: «Зачем писать? Все написано, ни к чему повторяться. Поменяется год, изменятся технологии, но проблемы останутся те же». Но мне кажется, что писать можно. Потому что человечество в новом мире изменилось, а значит, меньше будет романтики, подвигов, самопожертвования, а больше долгой подготовки и холодных расчетов. И это важно.

Мне могут сказать, что «пишут, пишут», и назвать несколько книг, но названий будет слишком мало даже для кусочка картины.

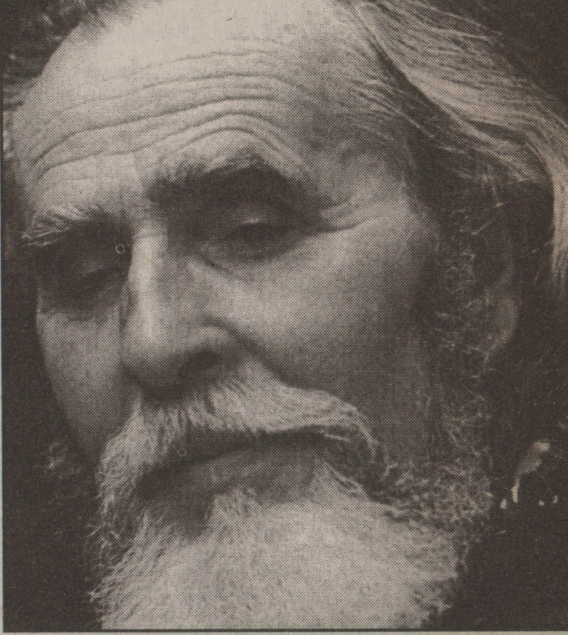
Мне скажут, что «главное в литературе — это Человек», но ведь есть научная фантастика, которая, на мой взгляд, тем и отличается от других жанров, что рассматривает проблемы, встающие перед Человеком в результате технического прогресса.

Так что даю объявление: «Разыскивается впередсмотрящий. Требуется фантазия, приветствуется наличие оптимизма. Начать работу можно прямо сейчас».

Хокан ЛОНДО,
г.Харьков

№1(112)
2003 год

Олесь БЕРДНИК: «Я оставался свободным даже за решеткой...»

...Высокий правый берег Днепра. Если смотреть с реки, эти кручи похожи на огромный вал, созданный мифическими великанами для защиты земли славянской. Народные предания их так и называют — Змиевы валы. И рассказывают, как некий богатырь запряг в плуг, упавший с неба, змея–дракона — и пропахал эти валы, чтобы защитить родную землю от завоевателей...

На одной из этих круч–валов приютилось небольшое село Гребени. Еще несколько лет назад здесь, на днепровских склонах, можно было видеть высокую фигуру, возникающую в вечерних сумерках словно из глубины веков — оттуда, где жили волхвы и мудрые старцы... Могучая стать, босые ноги и по–детски чистые, синие глаза — таким помнят тамошние люди Олеся Павловича Бердника, украинского фантаста, футуролога, основателя и Проводника общественной организации "Украинская Духовная Республика". Он никогда не смотрел под ноги, — всегда вверх. Возможно, высматривал залетевшую за тучи мысль... А может, беседовал с Богом... Или с небом... Или с душами предков...

Он необычен во всем. Даже своим днем рождения. У писателя их два. По–настоящему он родился 27 ноября 1926 года. А по паспорту — 25 декабря 1927–го.

Теперь его нельзя увидеть на круче. Уже шестой год писатель прикован к постели. Не пишет книг. Встречается только с ближайшими друзьями. Не любит посетителей — ему, с легкостью беседовавшему на любую тему, от квантовой физики до оккультных наук, тяжело, когда его видят в болезни... Да и речь его понимает лишь жена Валентина.

Но поскольку приближается 75 годовщина официального дня рождения и в этом году писатель получил две награды от фантастических конвентов — «Философский камень» от харьковского «Звездного Моста» и «Пророк в отечестве» от Первого фестиваля фантастики «Планета 8141 Nikolaev» (он проводился в городе Николаеве, а Олесь Бердник родился на Николаевщине), мы рискнули нарушить покой Олеся Павловича и задать несколько вопросов.

— Олесь Павлович, вас всегда любили читатели — и недолюбливали официальные структуры. Вас замалчивал Союз писателей — но многие современные фантасты называют вас своим вдохновителем и наставником. И вот — вы получили зримое признание коллег по цеху. Как вы относитесь к этим наградам и к признанию?

— Признание читателей — высшая награда для любого писателя. А что касается наград от коллег, — то я давно заметил, что между фантастами гораздо реже бывает зависть и ревность, чем среди представителей других жанров. (Смеется.) Думаю, это потому, что дар фантаста дается свыше.

...В 1949 году юный актер театра им. Ивана Франко неосторожно высказался по поводу партийной политики в театре. Результат — обвинение в «антигосударственной деятельности», суд, 58–я статья, Печорлаг... Именно там пришли первые творческие мысли, первые сюжеты, первые размышления о предназначении человека.

Получив амнистию, Олесь Бердник начал писать. Первая же книга — «Вне времени и пространства» — вознесла молодого писателя на вершину славы.

Его фантастические романы — «Пути титанов», «Покрывало Изиды», «Дети Беспредельности», «Подвиг Вайвасваты», «Чаша Амриты» — стали для украинской литературы тем, чем для российской — книги Ивана Ефремова. Олесь Бердник задал новое направление в жанре фантастики. Его книги стали путеводной звездой для многих, кого впоследствии назовут «шестидесятниками» и «диссидентами».

С конца 60–х годов, а особенно после выхода самого успешного романа "Звездный Корсар" за культовым писателем стали ходить не только восторженные почитатели, но и сотрудники горсорганов в штатском. Что, впрочем, не помешало литературной славе за рубежом. В частности, тот же «Звездный Корсар» был переведен на 26 языков. И полетели письма — из Польши, из Соединенных Штатов, из Франции, Италии, Японии, Канады...

«...На днях гулял в лесу, нашел дуб. Редкостный дуб — ему две тысячи лет. Семь метров в окружности. Был уже при крещении Руси, пережил Батыя, говорил с запорожцами. Недавно молния ударила в него, обожгла, но он стоит нерушимо, залечивает раны...» — писал Олесь Павлович в письме одному из своих друзей.

Чем–то и сам он похож на такое дерево — могучее и незыблемое, несмотря на все раны. И недаром именно этот тысячелетний дуб первым услыхал провозглашение Святой Украины — идею Духовных Наций, заключающуюся в том, что определять развитие стран должны творцы духовности и культуры, философы, ученые, педагоги, творческие личности, духовные подвижники, ибо без осознания, сохранения и приумножения своих духовных ценностей нация гибнет, как гибнет дерево, лишенное корней. Эта идея стала основополагающей в дальнейшем творчестве писателя...

«Космический национализм», «хохломания в космосе» — такими были основные обвинения в разгромных рецензиях. Потом — исключение из Союза писателей, травля, обыски в доме, безденежье и — расплата, как всегда безжалостная: арест. Идея Духовных Наций, мечты об Альтернативной Эволюции, о мире, где все живое сосуществовало бы, опираясь на законы Гармонии и Любви, инкриминировалась как «особо опасное государственное преступление и призыв к антисоветской деятельности»...

Освободившись, писатель вернулся к литературной деятельности. В течение нескольких лет вышли роман «Огнесмех» — квинтэссенция идей, появившихся у Олеся Павловича за пять лет вынужденного «отпуска» (так он всегда называл тюрьму), сборник исторических повестей «Лабиринт Минотавра», биографический роман «Тьма огня не зажигает...», продолжение «Звездного Корсара» — роман «Камертон Дажбога» — повесть–эссе «Тайна Христа» и духовный дневник «Песнь Надземная».

— Олесь Павлович, в советские времена несвобода навязывалась извне, и вы это ощутили на себе. Сейчас люди выбрали эту несвободу сами — «купились» на материальные ценности. Как вы считаете, это искушение, которому подвергают наш народ какие–то высшие силы, шаг в сторону с дороги эволюции или закономерный этап, который нужен для дальнейшего развития?

— А может, люди просто забыли, что у них есть выбор? Я оставался свободным даже за решеткой...

...Мастер плохому не научит. Это идея из другой книги. Но это действительно так. И может, вот она, высшая задача тех, кто пишет сейчас, и писателей, и нас, журналистов — напомнить людям о том, что выбор есть в любой ситуации. И делаем его только мы сами... В том числе — и выбор, быть ли нам свободными...

— Олесь Павлович, какие времена были наиболее трудными и какие — наиболее благоприятными для вашего творчества?

— Трудные времена и экстремальные ситуации — наши учителя. Первая отсидка сделала меня писателем, вторая — мыслителем, невежливое отношение со стороны властей — диссидентом, исключение из СПУ — художником... А болезнь подарила мне возможность осмыслить то, на что не хватало времени раньше...

Олесь Бердник подарил миру около 50 книг и троих детей. Поэтому наш следующий вопрос возник закономерно:

— Олесь Павлович, кого было труднее «выводить в люди» — книги или детей?

Олесь Бердник лишь улыбнулся, давая понять, что на этот вопрос лучше ответит его жена. Валентина — художница, но на вопрос о ее работе всегда отвечает: «Я работаю женой Олеся Бердника». А сейчас она — единственная связь писателя с внешним миром.

Валентина Сергеевна:

— Что касается детей, то Олесь принимал участие только в их создании и опекал своей любовью. (Смеется). В люди они выводили себя сами. Ну и я немножко помогала. Что же касается книг, то это и есть Олесевы дети, которых он взращивал и созидал, отдавал им каждую минуту своей жизни.

— Олесь Павлович, в каком из произведений, на ваш взгляд, вам удалось сказать самое главное для вас самыми точными словами?

—Безусловно, это «Звездный Корсар» и «Песнь Надземная».

— Жалеете ли вы о чем–то, чего еще не сделали?

— Да. Я не успел закончить свой последний роман — «Ловушка для Будды».

— Есть ли у вас ученики, люди, которые продолжают ваше дело, в частности как писателя–фантаста?

— Я никогда не считал себя ничьим учителем. Я скорее вдохновитель... Если кому–то из молодых близки мои взгляды и мысли — мы попутчики и друзья. И я через вашу газету шлю им свою любовь и пожелание успеха.

Веда СОКОРИНСКАЯ,
специально для «ИГ»

№1(112)
2003 год

Договор дороже денег

Ангел был скорбен и болен — в его когда–то белоснежных перьях деловито копошились мириады пухоедов.

— Ученый? — брезгливо спросил он, оглядывая Ярославина с ног до головы. — Лауреат?

Ярославин судорожно кивнул. Ему, научно доказавшему, что Бога не существует, явление крылача представлялось катастрофой. Хорошо хоть Леночку–лаборантку отпустил на свидание с очередным кавалером; хорошо хоть сегодня пятница, короткий день, а то вошел бы какой–нибудь дядя Петя, сантехник местный, и...

Ангел размахнулся и звезданул Кирилла Валерьевича в глаз. Кулак у ангела оказался увесистым, в острых твердых гранях, некоторые из которых (Ярославин это почувствовал) надолго отпечатались на коже ученого.

— За что?.. — всхлипнул он

— Знаешь за что, — внушительно пробасил ангел, поводя плечами (часть паразитов просыпалась на пол и покатилась к ближайшим щелям в паркете). — Знаешь?

— Знаю. — Отпираться не имело смысла.

Ярославин сглотнул и ущипнул себя за руку, чтобы проснуться. Действие эффекта не возымело. Да и, кстати, ангел бил больнее.

— Бац!

— Эй!..

— «Эй»! Он еще кричит тут, «лауреат»! Дарвинист каканый! Иуда! — ангел ругался как–то по–детски, беспомощно — но искренне.

Ярославин осмелел, увернулся от очередной затрещины и спрятался за стеллажом с книгами.

— А по какому, собственно, праву?! — возопил он, почувствовав в крылаче слабину. — Где разрешение на мордобитие, а?

— Я т–те дам разрешение! А ну!..

Следующие полчаса они играли в «догонялочку», причем Ярославин, лучше крылача знавший все лабораторные лабиринты, заметно вырвался вперед. Правда, добра побили немеряно, одних только колб... эх, да что там!

В конце концов умаялись, сели у стеночки друг рядом с другом, вздохнули.

— Ну чего ты? — душевно сказал Ярославин, за время беготни успевший даже как–то привязаться к визитеру. — Чего взъелся?

Ангел всхлипнул, хотел было еще разок заехать Кириллу Валерьевичу между глаз, но потом махнул рукой и угомонился.

— Что, совсем замучился на небесах?

— Да при чем тут!.. Вот ты, — повернулся к Ярославину крылач, — ты когда свою какаяную работу писал — ты вообще думал, что делаешь?

— Работу... — недоуменно протянул Кирилл Валериевич.

— «Работу» — передразнил ангел. — Ты ж убил Его!

— Ну да, конечно, — саркастически отозвался Ярославцев, — до меня доказывали — и ничего, как–то Он там жил, а я — так сразу угробил, да?

Ангел вздохнул, ссыпая с крыльев очередную порцию пухоедов.

— И те — тоже. Он же, когда вас создавал, разве ж мог ждать такого коварства? Сначала взялись законы придумывать, да в таких количествах — уж насколько Он могуществен, а и то едва ухитрялся управлять Землей согласно всем им. Потом — вообще оборзели, кинулись доказывать, что Его нет... Вот, доказали...

Воцарилась длительная пауза, нарушаемая только далеким капаньем — видимо, пока бегали, расколотили–таки бутыль со спиртом. То–то у Ярославина на душе как–то маетно!

— Так что, — прошептал он, принюхиваясь, — на самом` деле больше нету?

— Так я ж тебе об чем, иуде, говорю?! Все, закончился Он. Утром проснулись — нету. Только записка: «Ввиду противоречия законам оного мироздания, вынужден...»

— Чего «вынужден»? — с тихой надеждой спросил Ярославин.

— А не знаю, — с досадой проговорил ангел. — Купидончики–сорванцы записку раньше нашего нашли, так переволновались, переспорили, кому ее нести, что на клочья разодрали.

— Так может, не все еще и потеряно? — предположил ученый.

— Так а я тут чего сидю... сижу?! — возмутился ангел. — Ты кашу заварил — тебе и расхлебывать.

Он поднялся, пнул лауреата сияющей ногой:

— Подымайсь, дарвинист каканый! Пойдем искать в твоей теории прорехи.

— Ну так бы сразу, — довольно отозвался Ярославин. — А то чуть что — драться. Прорехи — это мы мигом, это мы могем... А для начала, слышь, может, крылья твои вспрыснуть чем–нибудь, а? Ты, я смотрю, как бесхозным сделался, мигом всякой дряни набрался.

— Не до того было...

— В ангеле должно быть красиво все, — назидательно сообщил Ярославин. — И тело, и душа, и крылья... Так что... — Он не смог закончить мысль и только вздохнул: — Одним словом, не боись, все будет путем. Ты, главное, осторожно, под ноги смотри — наломали мы тут с тобой колб...

* * *

Когда крылач наконец удалился восвояси, полный ярославинских обещаний и слегка навеселе (спирт таки не весь пролился), Кирилл Валерьевич оглядел учиненный в лаборатории разгром и вздохнул. Впрочем, ангел пообещал до завтра это безобразие устранить.

«Ну и ладно, — подумал Ярославин, — а прорехи в проекте, конечно, есть. Только фиг я им выдам хоть одну».

Ярославин был честным ученым. Если уж пообещал кому–нибудь, что будет молчать, значит, молчать и будет. Как говорится, договор дороже денег. Тем более что заказчик, внешне похожий на усталого пожилого дядьку, таковым вовсе не являлся.

«Ничего, боссу ихнему тоже надо отдохнуть, — с пониманием хмыкнул Кирилл Валерьевич. — А когда нужно будет, Он сам и вернется».

Ярославин подмигнул висевшей в углу иконке и пошел одеваться — на дворе уже стояла глубокая зимняя ночь.

Владимир АРЕНЕВ

СУПЕРКОМПЬЮТЕР ПРОТИВ ТЕРРОРИСТОВ

Пентагон создаст суперкомпьютер, который будет заниматься поиском террористов по всему миру, включая США. Машина будет отслеживать электронную почту, платежи по кредитным карточкам, денежные переводы, а также проверять различные электронные базы данных (включая коммерческие) и отслеживать другую Интернет–активность.

Впрочем, у проекта нашлось немало противников как в самом Пентагоне, так и в других организациях, которые обеспечивают национальную безопасность страны.

Дело в том, что до последнего времени разведывательные и военные структуры не могли шпионить за американцами без особого на то разрешения. Однако, по словам директора Управления по сбору информации Агентства перспективных исследований Министерства обороны США Джона Пойндекстера, который курирует этот проект, в настоящей ситуации правительство должно изменить свое отношение к «электронной жизни» в Соединенных Штатах.

В ответ директор Центра частной электронной информации, Марк Ротенберг заявил, что это вызовет «настоящую бурю» среди защитников прав человека в Америке.

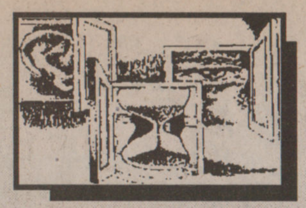
Кроме того, этот проект не поддерживает ФБР. Один из высокопоставленных сотрудников этого ведомства заявил в интервью «Нью–йорк таймс», что бюро проводило предварительные консультации с управлением, но окончательного соглашения о том, какая именно секретная информация будет доступна будущей системе, не было достигнуто.

Против проекта выступают также в департаменте национальной безопасности администрации президента США, руководство которого, впрочем, считает, что о будущем компьютере еще рано судить, так как проект недостаточно подготовлен.

ИЗОБРЕТЕН ГУБОНАКРАШИВАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ

Две студентки Гуманитарного университета Екатеринбурга изобрели потрясающую штуку — устройство для накрашивания губ в движущемся транспорте. Учащиеся 4–го курса Олеся Сорокина и Наталья Придчикова уже готовятся запатентовать его в областном Институте патентоведения.

Устройство действует на редкость просто: женщина должна надеть специальную маску, которая «подстраивается под форму губ». И тогда извечная проблема, как подкрасить губки в трясущемся транспорте, будет решена.

Место встречи — Интернет

Рубрика будет посвящена такому странному явлению нашего времени, как фантастика в Сети. В самом деле, серьезные люди придумали Интернет для того, чтобы быстро и удобно обмениваться полезными данными. А фантасты (да и не только они) туда, в Сеть — свои творения. Что за безобразие? Скоро на стенах лифта начнут рассказы писать, вытесняя молодежь!

Но, уж коли в Интернете размещают тексты не только начинающие авторы, но и вполне знаменитые, придется воспринимать это явление как факт, даже изучать, чтобы не было потом мучительно больно...

Мы постараемся рассказать о том, на какие сетевые ресурсы стоит обратить внимание, что за писатели там обитают, какие конкурсы проходят в Интернете (а их много — хороших и разных), попытаемся анализировать тенденции развития сетевой фантастики.

Итак, начинаем. Пристегните ремни. Видимо, отправной точкой изысканий послужит вопрос: кому и зачем это надо?

С читателями вроде бы все ясно. Зачем потребителю он-лайн роман, который можно купить в магазине? Затем, что не все готовы сразу приобрести толстую дорогую книгу. Есть, конечно, поклонники того или иного писателя, внимательно отслеживающие появление всех новинок. Это понятно. Ну, а если автор неизвестен вам? По слухам — неплохо пишет. Но слухам доверять — с пустыми карманами ходить... Проще и эффективнее зайти в Интернет, скачать парочку рассказов-повестей восходящей звезды, чтобы потом (уже в офф-лайне, отключившись от Сети и не тратя денег) спокойно «прицениться»: а стоит ли вообще покупать книги этого писателя? Достоин ли он внимания?

Итак, резоны читателя вполне очевидны. Интернет — это дешевая возможность получить информацию об уровне того или иного автора.

А какой резон писателю выкладывать творения в Сеть? С молодыми авторами тоже, в принципе, все понятно. Начинающий графоман, неспособный оценить уровень собственного мастерства, обязан стремиться в Интернет, чтобы представить тексты широкой аудитории. Только так можно получить адекватное представление о том, стоит ли продолжать «топтать клавиатуру»...

Впрочем, на этот счет существует и другое мнение. По сути, ясно, что для достижения настоящего успеха потребуется несколько лет непрерывного творческого роста. Только спустя время, добившись нескольких публикаций, автор скажет себе: «Я сделал это!» А если резкое слово убьет стремление писать в самом начале?

И все же при грамотном подходе Интернет способен помочь автору — хотя бы тем, что более опытные коллеги подскажут: на какие недостатки обратить внимание, над чем работать, куда податься с хорошими текстами.

Особая статья: известные, публикующиеся авторы. Корректнее сказать — писатели. Они, как правило, не размещают свои работы в Сети целиком, но винить их в этом нельзя — их связывает контракт. Издательство тоже можно понять: оно вкладывает деньги и хочет быть уверено в том, что сможет получить прибыль на книге. Поэтому, обычно у писателей в Сети — лишь части изданных романов.

И все же, поговорив о размещении текстов в Сети начинающими и маститыми, хочется перейти к главному, что объединяет всех.

Помню, как после одного из концертов Ю.Шевчука «взгляд» телекамеры, скользивший по сцене, с которой убирали стойки с инструментами, задержался на лице Юрия. Он сидел на стуле. Вдруг — поднял руку, провел по глазам. И стало видно, как он устал, вымотался после нескольких часов «живого звука». Через миг понимаешь — это и есть счастье. Контакт с залом, лица зрителей, аура, захлестывающая и заставляющая отдавать — именно сейчас, именно этому концерту и этим зрителям — все. А потом — опустошение.

Мы, авторы, лишены такого контакта с залом. Не видим глаз «зрителей». Придумывая героев, подвергая их по ходу действия различным испытаниям, доводя книгу до хэппи энда или трагической развязки, мы вкладываем в героев часть души, но, увы, не видим сопереживания тех, кому адресован наш труд.

Как-то раз, беседуя с писателем, у которого к тому моменту было три изданных книги, я поинтересовался: «Зачем ты разместил тексты на «Самиздате» Мошкова?» И услышал ответ: «Знаешь, у меня печатались рассказы в «Искателе» и «Звездной Дороге», у меня вышли книги тиражами по 10 000 экземпляров, но за все эти годы я не получил ни одного отклика. Ни одного! А на сайте за пару месяцев — столько людей высказали мнение!»

В этом — суть. Нам всем, как начинающим авторам, так и писателям, очень важен «контакт с залом», нам нужно, чтобы люди говорили то, что думают о книгах... Мы по-прежнему не видим глаз... Но благодаря Интернету у писателей появилась уникальная возможность — услышать читателя. Теперь, «проглотив» книгу и еще находясь под впечатлением, продолжая жить болью и радостью героев романа, читатель может (не выходя из квартиры и не расставаясь с банкой пива или чашкой кофе — кому что удобнее) зайти «в гости» и сказать все, что он думает об авторе, героях, сюжете...

Кстати, автора данного текста тоже можно обругать:) Сделать это очень просто — надо всего лишь запомнить слова: «Фантастика у Мошкова». Адрес http://fant.lib.ru. На страничке вы увидите ссылку на статью, которую читаете. Заходите в гости, высказывайте мнения. Нужно ли вам он-лайн общение с молодыми авторами и со «звездами»? Важно ли читателю обмениваться комментариями с писателями? Кстати, мы будем рады услышать от вас, на чем следует сконцентрировать внимание в материалах рубрики, о каких ресурсах рассказать, о каких конкурсах.

Ну а пока начнем рассмотрение сетевых «турниров» с самого известного — конкурса сайта «Русская фантастика». На сленге — «Рваная грелка», или «Грелка». Происхождение названия — отдельная история, возможно, мы вернемся к ней позже.

Имя Вадима Нестерова — ведущего конкурса, координатора «Грелки» — хорошо известно многим авторам, обитающим в Сети. Очень грамотный менеджер. Благодаря четкой работе Вадима и вэб-дизайнеров конкурс всегда проходит на высоком уровне. «Грелка» проводится на форуме «Нль-Т» (www.rusf.ru/nul-t/) «Русской фантастики» два раза в год, весной и осенью. Схема примерно такова: Арбитр задает тему, в сжатые сроки (обычно — за 2-3 дня) авторы, пожелавшие принять участие в соревновании, пишут рассказы по объявленной теме и по электронной почте шлют их Вадиму Нестерову. Координатор закачивает рассказы на сайт. Принимающие участие в конкурсе авторы читают все тексты соперников и присылают топы (списки лучших работ) координатору. Баллы суммируются. Объявляются рассказы-победители.

Изюминка конкурса — в анонимности. Авторство рассказов становится известно только после подведения итогов. Голосуя за то или иное произведение, голосуешь именно за текст, а не за магию имени.

Зачем это нужно? Это нечто вроде разминки, в которой могут попробовать силы начинающие авторы, состязаясь с профи. Для молодежи — это возможность «засветиться», для маститых — просто круг общения, среда.

Мне довелось трижды играть на конкурсе. На состязаниях арбитрами последовательно выступали С.Лукьяненко, Г.Л.Олди, Н.Перумов.

В первой «Рваной грелке» в апреле 2001 года принимало участие 32 рассказа. Во второй (октябрь 2001 г.) — 61, в третьей (март 2002 г.) — 84, в четвертой (октябрь 2002 г.) — 113 рассказов.

Хорошо видна динамика роста числа игроков. На четвертой «Грелке», когда количество текстов перевалило за сотню, конкурс прошел в два этапа... До этого момента самым представительным конкурсом (по числу рассказов) был «Блэк Джек» (110 текстов). Но о «Джеке» — не сейчас.

Взгляд на «Грелку» человека, трижды ударенного резиновым чудовищем.

Первый, несерьезный. Страшно... Впереди — мэтры, именитые писатели. Тогляди — затопчут. Стеной встали, не пущают даже взглядом прикоснуться к святыне. А молодые? Сзади напирают! Мечтают порвать резиновое изделие, а заодно — всех, кто на пути оказался. Не ровен час под руки попадешься...

Что в итоге? Спереди — стена, сзади — давят. Думаешь уже не о том, как выиграть приз, а о том, как выбраться живым из этой бойни. Кругом бандерлоги! Всякий раз после финиша конкурса говоришь себе, как медведь Балу из «Маугли»: «И как это они не разорвали меня на сотню маленьких медвежат?» Так становятся опытными писателями... :)

Взгляд второй, без улыбки. «Грелка» — нелегкое испытание для авторов, особенно молодых, начинающих, тех, кто сомневается в себе. Рассказы на конкурс представляются анонимно, критики можно огрести — по первое число, и даже не узнаешь, кто тебя обругал и насколько по делу. Приходилось встречаться с тем, как вполне грамотные, толковые ребята, не получив высокого места на конкурсе, испытывали шок. У них просто опускались руки... Правда, некоторые вообще не придают значения позиции в итоговом рейтинге. В конце концов, если автор не умеет «играть блиц» (создавать рассказ на заданную тему, да еще в короткие сроки), это не значит, что он не умеет писать. И все же...

Один из ярких примеров: Лора Андронова. Впервые в жизни сыграв на третьей «Грелке» и разделив там 58-61 место (из 84-х), Лора на время потеряла веру в себя. Помню, как тяжело переживала неудачу...

С тех пор прошло всего полгода. За это время ее опубликовали «Звездная Дорога» и «Уральский следопыт», состоялся «Блэк Джек», финал которого судил С.Логинов, и на этом конкурсе рассказ «Черная полоса» занял первое место! А Лора как победитель получила от Святослава книгу с автографом: «Не зазнавайтесь. Новых успехов!»

Такова судьба автора: падения и взлеты. О «Блэк Джеке» мы поговорим позже, а в этом номере газеты вниманию читателя предлагается рассказ Л.Андроновой «Черная полоса», а также рассказ Сергея Рылова (он же А.Рыбкин) «Роман, похожий на улитку» (текст занял на «Джеке» третье место).

Осталась лишь сотня печатных знаков, чтобы сделать финал статьи. Дорогие читатели! Заходите в гости! Об остальном поговорим в следующий раз. :)

Виталий РОМАНОВ

Старая-старая сказка

— Дед! Ну дед! Расскажи сказку, а?

Дед коротко всхрапнул, крякнул и лениво приоткрыл заплывший глаз. Не, черта с два это чудо даст старым костям без помех понежиться на солнышке...

— Ну чего?

— Сказку! Расскажи!

— И-эх, — огорченно вздохнул дед. — Ну скоко ж говорить те? Ну не знаю я сказок.

— Ну придумай!

— Хех. Придумай. Че ж енто за сказка, коли придумай... — почесал всклокоченный затылок, хмыкнул, пошарил иссохшими руками по драным карманам в поисках махорки, не нашел, крякнул снова, на сей раз в полном разочаровании, и опять прикрыл тяжкие веки.

— Ну де-е-ед!

— Тише, злыдня, — поморщился тот. — Лады. Слушай. Жил-был... э-не... Во! — оживился, видимо, вспомнив. — В тридесятом царстве, в тридевятом государстве стоит, значить, башня из черного стекла.

— Закоптили?! — с восторгом перебил внук, вспоминая, как в прошлом году он с приятелями коптил над костром стекляшки, чтобы смотреть сквозь них на солнце.

— Не, — снова поморщился дед. — Просто черное оно... И гладкое, что твой лед. И стоит ента башня, значить, давным-давно, и нет у ней ни лестниц, ни дверей, а только одна комнатушка под самой крышей, и окошко единое... И сидит там принцесса красоты несказанной. Сидит... да...

— Ну? — нетерпеливо потоup внук.

— Ну, и башня ента неприступная совсем. И сзади у ней скалы, и слева море, и справа болото. А спереди, значить, сидит дракон огнедышащий. И низя к той башне пробраться, окромя как дракона убив и на его тушу взобравшись, потому как башня ента скользкая, что твой лед...

— Ты это уже говорил!

— Хошь сказку, то молчи, — посуровел дед. Внук притих, резонно рассудив, что и такая история лучше, чем ничего, и дед продолжил:

— Ну и, значить, тыщи рыцарей со всей земли в то место съезжались, чтоб принцессу-то из башни вызволить...

— Тыщи? — с сомнением переспросил внук.

— Тыщи, — уверенно подтвердил дед. — Десятки тыщ! И никто, ну никто того дракона огнедышащего одолеть не мог. Всех, гадина, сметал... И вот, кады девяносто девять, значить, тыщ, и еще девятьсот девяносто девять рыцарей облажались, из-за гор, из-за перевалов и бурь снежных пришел один рыцарь, сильный, что твой медведь, и красивый, что твоя заря, и конь у него был, что...

— Дед, а давно это было? — снова перебил внук.

Дед, уже вошедший было во вкус, свирепо сдвинул кустистые брови.

— Да помолчишь ты али нет, злыдня? Давно! Дюже давно! — прорычал он и без перехода продолжал:

— И вот подъезжает ентот рыцарь, значить, на коне своем к перевалу, за которым дракон огнедышащий сидит и за которым башня видна, и речет могучим своим богатырским голосом...

* * *

— О прекрасная Ласэлея! Я не знаю, слышишь ли ты меня, но серце мое таит надежду, что искренность моего гласа придает ему невиданной силы, и, даже не услышав, ты почувствуешь, что избавитель твой рядом! Близок час твоего освобождения, о прекрас...

Поднятое забрало соскользнуло вниз и с грохотом захлопнулось, оборвав рыцаря на полуслове. Он вздрогнул от неожиданности, втянул голову в плечи, неуклюже поднял руки в железных перчатках и попытался подцепить забрало пальцами. После нескольких минут титанических потуг он наконец с тиранящим слух скрежетом отодвинул непослушную железку и, на всякий случай придерживая ее рукой, продолжил:

— Я повторю путь моих достойных предшественников, но, в отличие от них, пройду его до конца! Я взберусь на труп твоего мучителя и дотянусь до заветного окна, о прекрасная Ласэлея! Готовься принять нежные объятия своего избавителя!

На последнем слове его тонкий, еще не закончивший ломаться мальчишеский голос сорвался. Рыцарь смущенно прокашлялся и пристально всмотрелся в чернеющую за перевалом стрелу стеклянной башни. У него было маленькое и остренькое, как у суслика, личико, все в веснушках и оспинах, сломанный в детской драке нос и огромные, очень красивые глаза ярко-зеленого цвета. Рыжий чуб, выбивавшийся из-под шлема, падал на прыщавый лоб. Рыцарь почувствовал, что на него смотрят, подобрался, пытаясь принять позу, полную если не солидности, то по крайней мере достоинства, и гордо выпятил тощую грудь, закованную в латы, весившие вдвое больше, чем он сам. Хилая лошаденка кирпичной масти, согнувшаяся в три погибели под весом доспехов хозяина, тихо и жалобно заржала, в последний раз призывая господина одуматься.

— Н-но! — бодро выкрикнул рыцарь своим ломким голосом и вонзил шпоры в тощие бока кобылы. Та присела, вздохнула и подчинилась.

Через четверть часа за перевалом послышался мощный, разрывающий уши рык потревоженного монстра, заглушивший тонкий боевой клич рыцаря. Коротко полыхнуло оранжевое зарево, и все стихло.

Принцесса Ласэлея, наблюдавшая за всем этим через окно башни из черного стекла, обреченно вздохнула. Подняла руку, в которой держала тонкую алмазную иглу, повернулась к стене и медленно выцарапала на ней длинную вертикальную линию.

— Пятый сегодня, — вполголоса произнесла она. — Уже, наверное, последний.

В день, как правило, приходило четыре-пять человек, иногда три, иногда шесть, летом обычно больше, чем зимой. Принцесса еще раз посмотрела на стену — и вдруг расплылась в широкой удивленной улыбке. Встала, перегнулась через подоконник единственного окна, радостно помахала рукой.

— Дракоша! Стотысячный! Ей-же богу, стотысячный! — выкрикнула она, и ей ответил добродушный довольный рык, за которым последовала смачная отрыжка, сопровождаемая черно-красным облачком. Принцесса нахмурилась. «Снова крокодилов жрал, — недовольно подумала она. — И сколько ему говорить, чтобы не тянул всякую дрянь из болота».

Она отвернулась от окна, села в кресло, коротко охнув, когда слишком резкое движение отозвалось острой болью в пояснице. Экая она шустрая сегодня. Поосторожнее надо.

Прекрасная принцесса Ласэлея в последний раз окинула взглядом дорогу за перевалом, убедилась, что нигде не видно клубящейся пыли, предупреждающей об очередном посетителе, и, поправив очки, поднесла к глазам вышивание. Будущей осенью ей исполнялось шестьдесят четыре года.

Юлия ОСТАПЕНКО,
г.Львов

ПЕРЕ-ИНСТАЛЛИРУЕМСЯ?

С суперсенсационным заявлением, оставшимся без внимания мировых СМИ, выступили ученые из киевского Центра эмбриональных тканей «EmCell». Сообщение, размещенное на сайте Центра, гласит, что 3 сентября 2002 года коллектив исследователей подал заявку на патент, созданный на основе фундаментального открытия этих же ученых. Открытие носит название «Способ переинсталляции системы контроля антигенного гомеостаза организма млекопитающих (эффект Кухарчука-Радченко-Сирмана)».

Речь идет о том, что введение четко определенной дозы эмбриональных стволовых клеток в организм человека полностью разрушает его иммунную систему — причем не просто разрушает, а заменяет ее совершенно новой. А это, в свою очередь, означает возможность полного и безраздельного контроля со стороны медиков за иммунными процессами в организме, что открывает прямую дорогу к лечению всех заболеваний, связанных с этой системой: рассеянного склероза, лейкозов, инфарктов, болезни Паркинсона, анемий, сахарного диабета, наконец — СПИДа...

Но и это еще далеко не все. Полностью решается проблема трансплантации — никакого отторжения чужеродных тканей просто не будет. И, наконец — это открытие дает ключ ни больше ни меньше, как к решению фундаментальной проблемы старения. Ведь процесс старения — это явление, также весьма тесно «завязанное» на иммунную систему.

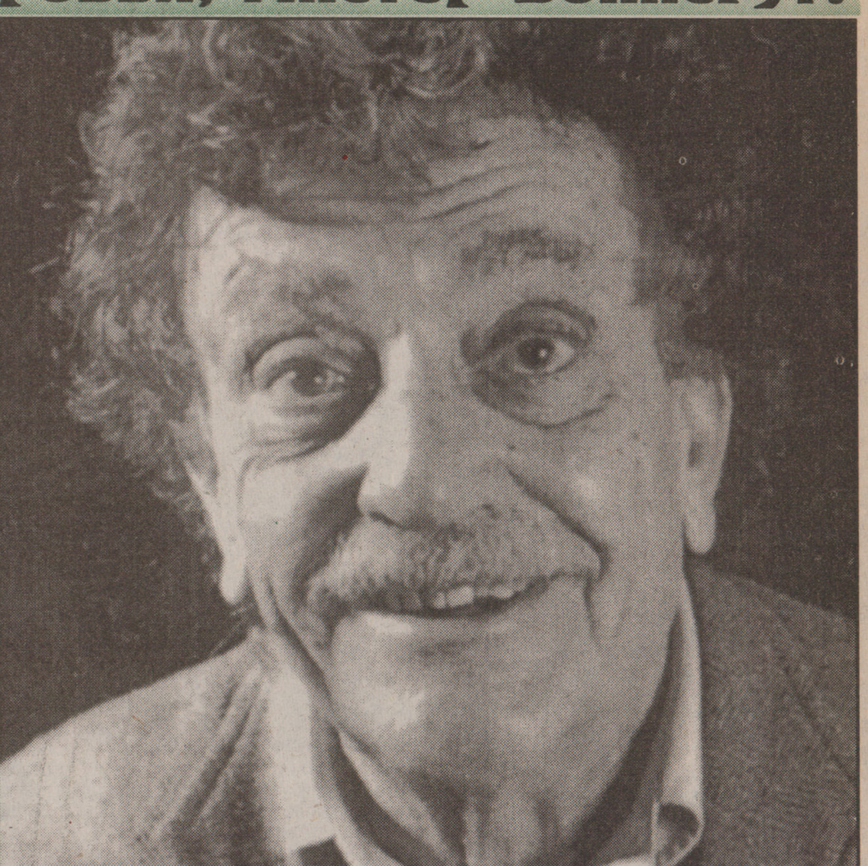
Суть процесса такова: при введении дозы стволовых клеток (весьма существенной — она в официальном отчете именуется «мегадозой») организм как бы возвращается назад — в период внутриутробного развития, когда иммунная система представляет собой «чистый лист». И на этом «чистом листе» можно в принципе «писать» что угодно — то есть сформировать новую иммунную систему в соответствии с медицинскими (или иными) нуждами.

Пока не совсем ясно, какие последствия для человека будет иметь полная насильственная перестройка его иммунной системы. Как представляется, после такой операции человек будет вынужден существовать под постоянным плотным медицинским контролем — ведь «перестроенная» иммунная система просто не сможет самостоятельно адекватно функционировать. Впрочем, это все догадки — пока исследования были проведены только на белых и черных крысах и на морских свинках.

Доброго вам здоровья, мистер Воннегут!

Готовя материал о Курте Воннегуте, я обнаружила, что ни в интервью, ни в рассказах о нем других людей не находится ничего такого, чего нельзя прочитать в его собственных книгах. Поэтому я решила, что для рассказа об авторе «Сирен Титана», «Бойни номер пять», «Колыбели для кошки», «Времятрясения», «Галапагос» слово лучше предоставить самому автору.

«Этим летом я спросил писателя Уильяма Стайрона в китайском ресторане, у скольких людей на всей планете есть то, что есть у нас, а именно жизнь, которую стоит жить. Между нами говоря, мы сошлись на семнадцати процентах».

Сам Воннегут в эти семнадцать процентов входит. И вот из чего состоит его жизнь.

ЕГО ВОЗРАСТ

«Я настолько стар, что помню времена, когда слово «срать» казалось настолько неприличным, что ни одно приличное издательство его бы не напечатало».

ЕГО ПРЕДКИ

«Мой прадедушка со стороны матери переехал из одного полушария в другое, подгадав так, чтобы успеть получить ранение в ногу во время нашей печально знаменитой Гражданской войны. Он был солдатом-юнионистом. Его звали Петер Либер. Он купил в Индианаполисе пивоварню, она процветала. Один сваренный им сорт пива выиграл Золотую медаль на Парижской выставке 1889 года. Назову вам секретную добавку, в которой было все дело. Это кофе.

Но потом Петер Либер передал дела своему сыну Альберту, моему деду по матери, и вернулся в родное полушарие».

ЕГО РОДИТЕЛИ

«... моя мать тронулась умом... и в конце концов наложила на себя руки... Когда ее не стало, я был в армии и нашу дивизию готовили к отправке за океан».

«Когда моему отцу было шестьдесят пять, а мне двадцать семь, я сказал ему, глубокому старику — так мне тогда казалось: наверно, очень интересно было всю жизнь заниматься архитектурой. А он вдруг говорит: совсем не интересно, ведь архитектура — сплошные расчеты и никакого искусства.

...Депрессия и затем Вторая мировая война, когда строительство почти совсем прекратилось, в общем-то, едва не доконали его как архитектора. В сорок пять он, в сущности, остался без работы и сидел без работы, пока ему не исполнилось шестьдесят один. ... Во времена Депрессии мы вовсе не голодали. Однако отцу пришлось закрыть мастерскую, которую открыл еще его отец, первый дипломированный архитектор в штате Индиана, и рассчитать шесть своих сотрудников. Скромные заказы ему еще случалось добывать, но до того неинтересные, что, теперь-то я понимаю, даже на школьных уроках черчения помирали бы со скуки, доведись заниматься такими вот задачками».

ЕГО ОБРАЗОВАНИЕ

«После Второй мировой войны я некоторое время учился в Чикагском университете. Я был студентом факультета антропологии. В то время нас учили, что абсолютно никакой разницы между людьми нет. Может быть, там до сих пор этому учат.

И еще нас учили, что нет людей смешных, или противных, или злых. Незадолго перед смертью мой отец мне сказал:

— Знаешь, у тебя ни в одном рассказе нет злодеев.

Я ему сказал, что этому, как и многому другому, меня учили в университете после войны».

ЕГО ПЕРВАЯ РАБОТА

«Пока я учился на антрополога, я работал полицейским репортером в знаменитом Бюро городских происшествий в Чикаго за двадцать восемь долларов в неделю. Как-то меня перекинули из ночной смены в дневную, так что я проработал шестнадцать часов подряд. Нас финансировали все городские газеты, и АП, и ЮП (АП — Ассошиэйтед Пресс, ЮП — Юнайтед Пресс), и все такое. И мы давали сведения о процессах, о происшествиях, о полицейских участках, о пожарах, о службе спасения на озере Мичиган, и все такое. Мы были связаны со всеми финансировавшими нас учреждениями с помощью пневматических труб, проложенных под улицами Чикаго.

Репортеры передавали по телефону свежие сведения журналистам, а те, слушая в наушники, отпечатывали отчеты о происшествиях на восковках, размножали на ротаторе, вкладывали оттиски в медные, с бархатной прокладкой патроны, и пневматические трубы глотали эти патроны. Самыми проженными репортерами и журналистами были женщины, занявшие места мужчин, ушедших на войну».

ЕГО ВОЙНА

«Бомбардировка Дрездена представляла собой стремительно осуществленную операцию из тех, которые профессионалы — и стратеги, и тактики — называют хирургическими, и полностью соответствовала Аристотелеву представлению о трагедии, поскольку действие уместилось менее чем в двадцать четыре часа».

«Во время второй попытки западной цивилизации покончить с собой я был рядовым 1-го класса. Подобно Эрнесту Хемингуэю, я никогда не стрелял в человека. Может быть, Гитлер тоже ни в кого не стрелял. Он получил высшую награду своей страны не за то, что убил много народу на войне. Он получил ее за то, что был бесстрашным связным. Не все на поле боя заняты убийством. Я и сам был разведчиком, пробирался по местам, которые не были захвачены нашими войсками, высматривая врагов. Я не должен был сражаться с ними, обнаружив их. Мне надо было оставаться живым и незамеченным, чтобы я смог рассказать моему начальству, где они находятся и что делают.

Это было зимой. Я получил предпоследнюю по старшинству из наград моей страны — Пурпурное Сердце за обморожение.

Когда я вернулся домой с войны, мой дядя Дэн обнял меня и проревел: «Вот теперь ты мужчина!»

Я чуть не убил своего первого немца».

ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ

«Я... серьезнее всего задумался, не вступить ли в лоно церкви, когда моя вторая невеста Джилл Кременц и я решили, что будет весело и круто, если мы обвенчаемся в маленькой симпатичной церкви, Епископальном храме в диснеевском стиле, что на Двадцать девятой Восточной улице, в двух шагах от Пятой авеню, на Манхэттене.

Когда там узнали, что я разведен... мне предписали пройти невообразимое количество покаянных мероприятий, ибо, пока я не очищусь достаточно, я недостоин венчаться там».

«Я являюсь почетным президентом Американской ассоциации гуманистов. ...Я сменил на этом

бесполезном посту доктора Айзека Азимова, писателя и биохимика....

Гуманисты просто пытаются жить порядочной и достойной жизнью, не ожидая ни наказаний, ни наград в жизни загробной. Создатель Вселенной остается для нас неизвестным. Мы служим по мере сил не ему, а той величайшей абстракции, о которой мы хоть что-то знаем, — обществу, в котором мы живем».

ЕГО СЕМЬЯ

«Я себя не пожалею, только бы сказать что-нибудь забавное даже в самых жутких ситуациях, и, помимо прочего, вот отчего две, пока что две женщины так сожалеют, что в свое время вышли за меня замуж».

«Две наши с Джейн дочери, Эдит и Наннет, стали профессиональными художницами, им под сорок [1996 г.], у них проходят выставки, их картины продаются. То же можно сказать про нашего сына Марка, детского врача».

«...мы с моей первой женой Джейн усыновили [трех сыновей моей сестры Элли] после того, как муж Элли, неудачник Джим, погиб в железнодорожной катастрофе в Нью-Джерси. Через два дня после этого Элли умерла от рака».

«Джейн нигде и никогда не работала. Она воспитывала шестерых детей».

«Моя [вторая] жена Джилл вела фоторепортажи с войны во Вьетнаме».

ИСТОКИ ЕГО ЮМОРА

«У моего дяди Алекса Воннегута, который говорил, что когда мы счастливы, нам следует громко выражать свой восторг, была жена, тетя Рей. Она считала его круглым идиотом. Идиотом его, вероятно, считали и в Гарварде, с самого первого курса. На первом курсе дяде Алексу задали сочинение на тему «Почему я приехал учиться в Гарвард из такого далекого Индианаполиса». Дядя обожал рассказывать, что главная мысль его опуса сводилась к следующему: «Потому что мой старший брат учится в Массачусетском технологическом».

ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ЛЮДЯМ

«Я считаю святым любого, кто ведет себя порядочно, живя в непорядочном обществе».

ЕГО СТИЛЬ РАБОТЫ

«Как истинный луддит, каким был Килгор Траут и сам Нед Лудд — вероятно, вымышленный рабочий, который громил машины, предположительно, в городе Лейчестере, Англия, в начале девятнадцатого века, — я все так же пишу на механической пишущей машинке. Но даже так я на много поколений опережаю, с технологической точки зрения, Уильяма Стайрона и Стивена Кинга, которые, как и Траут, пишут ручками на желтой бумаге».

«Я учил людей писать... Я начал это делать в 1965 году в Университете Айова. После этого был Гарвард и Сити-Колледж в Нью-Йорке. Сейчас я это бросил».

ЕГО УДАЧА

«Вот в чем мне повезло: первые тридцать пять лет моей жизни писание рассказов чернилами на бумаге было одной из главных отраслей американской промышленности. Хотя у меня уже была жена и двое детей, я решил уйти с должности рекламного агента в фирме «Дженерал электрик» (отказавшись тем самым от жалованья, страховки и пенсии), потому что это было выгодно. Я мог заработать гораздо больше, продавая рассказы в «Сатердей ивнинг пост» и «Колльерс».

...эти два журнала всего лишь платили мне больше всех. Было так много журналов, которых хлебом не корми — дай напечатать рассказ, что писатель чувствовал себя как человек, который пришел в тир с дробовиком: как ни стреляй, все равно попадешь. Когда я отправлял по почте моему агенту новый рассказ, я был вполне не уверен, что кто-нибудь у меня его купит, хотя бы его отвергла добрая сотня издательств».

ЕГО НЕУДАЧА

«Но вскоре после того, как я перевез семью из Скенектади, штат Нью-Йорк, в Кейп-Код, штат Массачусетс, появилось телевидение, и рекламодатели забыли о журналах. Времена, когда можно было зарабатывать на жизнь, обстреливая рассказами издательства, навсегда ушли в прошлое.

Сначала я работал в промышленном рекламном агентстве, результатом чего были ежедневные поездки из Кейп-Кода в Бостон, затем стал дилером по продаже автомобилей «Сааб», а потом — преподавателем английского языка в частной школе для безмозглых чад богатых родителей».

ЕГО ЭПИТАФИЯ

«Моя жена думает, что я крутой парень. Она ошибается. Я не думаю, что я такой уж крутой.

...Я не хочу, чтобы из-за меня кто бы то ни было чувствовал себя как последнее дерьмо.

Пусть это будет моей эпитафией».

Большое спасибо за откровенную и содержательную беседу, мистер Воннегут!

Марина ЛЕС

Анкета английской газеты «Уикли Гардиан», заполненная Куртом Воннегутом 17 января 1991 года

— Как вы себе представляете истинное счастье?

— Воображаю, что кому-то где-то хочется, чтобы нам тут, на Земле, нравилось.

— Кто из ныне живущих вас более всего привлекает?

— Нэнси Рейган.

— Что для вас всего огорчительнее у других людей?

— Вера в социальный дарвинизм.

— Какая у вас машина?

— «Хонда Аккорд», 1988 года.

— Ваш любимый запах?

— Тот, который бывает у входа в пекарню.

— Любимое слово?

— Аминь.

— Любимое здание?

— Небоскреб «Крайслер» на Манхэттене.

— Какой фразой вы пользуетесь чрезмерно часто?

— Прошу прощения.

— Когда и где вы чувствовали себя особенно счастливым?

— Лет десять назад мой финский издатель привез меня в одну маленькую гостиницу — там неподалеку район вечной мерзлоты. Прогуливаясь, мы нашли заледеневшую спелую чернику. Она оттаивала во рту. И было такое чувство, словно кому-то где-то хочется, чтобы нам нравилось тут, на Земле.

— Как бы вам хотелось умереть?

— В авиакатастрофе или на вершине Килиманджаро.

— Каким бы дарованием вы хотели обладать?

— Талантом виолончелиста.

— Что, по-вашему, люди склонны более всего переоценивать?

— Хорошие зубы.

ЕЖЕДНЕВНО МЕНЯЕТСЯ МОДА...

Не успели мы разобраться с тем, кто ввел в русскоязычную фантастику «моду» на уничтожение Юрия Семецкого, как появилась новая. Московские журналисты А.Синицын и Д.Байкалов объявили, что убийство Семецкого отныне считается дурным тоном; хорошим же является его оживление.

Это заявление уже привело к курьезам. Если раньше отдельные фантасты чуть ли не с боем прорывались в типографию, чтобы вставить упущенное «В бою погиб Семецкий», то теперь те, кто поздно узнал о капризах моды, кусают локти: ведь было же куда вписать: «Слухи о смерти Юрия оказались преувеличенными»!

Напомню, что именно легенда о воскресении является наиболее популярной последние две тысячи лет.

Роман КАРАКОЗ

В РОССИИ ЖИВЕТ ЧЕЛОВЕК-МАГНИТ

Человек-магнит из Чебоксар Михаил Васильев попал в «Книгу рекордов Гиннесса». Собственный вес у Михаила Васильева чуть более 60 кг. Недавно произошло событие, о котором он мечтал последние два года и которое потрясло многих: Михаил удержал на груди 165 кг только с помощью природного магнетизма! Феномен настолько уникален, что в «Книге рекордов Гиннесса» ему выделили целую страницу. Магнетизмом обладают и дети Васильева, на которых он возлагает большие надежды.

ИЗОБРЕТЕН ПЛАЩ-НЕВИДИМКА

Изобретатель Рэй Алден подал в американское патентное ведомство интересную заявку. В ней описывается изобретенный Алденом способ «трехмерной маскировки» различных объектов, а также устройство, по своим функциям аналогичное сказочной шапке-невидимке.

Впрочем, изобретение представляет собой скорее не шапку, а плащ или покрывало-невидимку. Принцип действия устройства аналогичен принципам маскировки хамелеона: оно пытается подстроиться под цвет окружающих объектов.

При этом половина покрывала-невидимки, закрывающая заднюю часть объекта, состоит из множества датчиков освещенности. Они измеряют длину волны, интенсивность и направление падающих на скрываемый объект световых лучей.

На передней части покрывала располагается множество светоизлучающих устройств, которые испускают точно такие же лучи, какие падают на объект сзади. Взглянув на замаскированный объект, можно увидеть, что расположено за ним.

Очевидно, что у такой системы маскировки есть существенный недостаток. Если смотреть на замаскированный предмет не строго спереди, а сбоку или сзади, то обнаружить его не составит большого труда, так как расположенные на задней половине маскировочного устройства световые датчики не являются невидимыми.

Черная полоса

..in the middle of nowhere..

Сухостоп прикрыл за собой дверь, подпер ее небольшим поленцем и пошел прочь по утоптанной белой тропинке, ловко огибая оставленные невесткой ведра и кадки.

«Вот неряха, — неодобрительно думал он. — Ей бы только на печи лежать».

Как обычно, на его пути встала черная, покрытая инеем изгородь. Старик поспешно опустил глаза и ускорил шаг.

Только возле самого поворота он обернулся, скорчил страшненькую рожицу, замахал руками и дико заулюлюкал — он знал, что оставшиеся в домишке внуки всегда прилипают к единственному окну и ждут, какую же шутку на этот раз выкинет их любимый деда.

Зима в этом году выдалась лютая. Свирепые бури изломали ветви, вырвали с корнем молодые деревца, погубили множество птиц. Только теперь, под солнечными лучами, притихший и съежившийся лес начал оживать.

— Славное утро, — Сухостоп подмигнул голубому небу и отправился в обход своих владений.

Хрусть-хрусть, хрусть-хрусть — поскрипывал крепкий снежок под ногами лешего.

Возле разлапистой старой ели он остановился, опустился на корточки и принялся разгребать промерзшую хвою. Вскоре в его руках тепло засветились сморщенные ягоды ведуницы.

— Для младшей, — привычно умилился Сухостоп, пряча находку в туесок, — для лапоньки. Еще бы вот окуньков наловить — ушицу справить...

Озеро было похоже на огромный бледный блин, привольно развалившийся среди низкорослых березок. Лесовик уверенно ступил на ледяную корку и, балансируя суковатыми лапами, заскользил к давно примеченной проруби. Со вчерашнего дня прорубь уже успела покрыться морозной пленкой, разбить которую, правда, по-ка ничего не стоило. Приладив мормышки и забросив удочки, Сухостоп уселся поудобнее и стал думать о хорошем — о земляничном варенье и жареной картошке. Но надолго расслабиться ему не удалось. Одна за другой, словно живые, удочки дернулись и нырнули в воду. Потом что-то утробно забурчало, и из озера высунулась обросшая водорослями голова. Недоуменно поморгав выпуклыми глазами, голова плюнула в лешего клубком каких-то бурых растений.

— Га-га! Опять по рыбку пожаловал, браконьер поганый? Ужо я-то тебе... — договорить водяному не удалось — направленный меткой рукою снежок залепил ему рот.

— Получил, да?! Получил? — Сухостоп восторженно зааплодировал сам себе. — Будешь теперь знать.

Мучительно скривившись, водяной откашливался.

— Обмил... В конец обнаглел! Тьфу! Все зубы мне застудил, небось!

— Да ладно. Не выдумывай. Какие там у тебя зубы?

— Очень даже ничего. Редкой красоты.

— Вот-вот. Редкой. Ты бы, Феоктист, врал да не завирался.

— Застудить десны — тоже не подарок.

— Удочки пошто сломал?! Я их сам смастерил, между прочим! — взвизгнул леший.

— Чтоб рыбу не воровал!

— Да тебе-то что, старый? Ты же ешь только ил?

Феоктист пошевелил влажными бровями.

— А порядок должен быть. На всех рыбы не напасешься.

— И кто это мне говорит? Кто? — лесовик возвел очи горе. — Это мне говорит тип, который по ночам выбирается на берег, чтобы погрызть древесную кору?

— Попрошу без оскорблений. Я не заяц какой-нибудь.

— Самолично видел!

— Видел он. Ты уже лет тридцать, как дальше своего носа не видишь. Пенек мой обомшелистый.

— Ах, пенек? На себя бы посмотрел! Гнилость мокротелая. Лицо вон, отрастил — в прорубь не пролазит.

— Да вы хам, милейший! — возвысил голос водяной, — примитивное нахальное хамло. Мало того, что приперлись в гости незваным, так еще и хозяина оскорбляете? Видеть вас больше не желаю.

С возмущенным побулькиванием голова опустилась под воду. Сухостоп нерешительно поскрипел суставами.

— Феоктист Епифаныч! Не обижайся!

Прорубь гордо фыркнула.

— Я не обижаюсь. Я адекватно реагирую на ситуацию. Обижаться мне никак нельзя.

— Почему это?

— Слишком суров к обидчикам. Могу и утопить. Будучи в праведном гневе. Помнится, зятек однажды учудил. Заснул на моей любимой коряге. Эх, как я его потом гонял, как гонял... — на поверхности показалась макушка Феоктиста, — Впрочем, зятек тоже мне всыпал. Отменная потасовочка вышла.

— Боевой вы народ, — восхищенно промолвил Сухостоп.

Разом подобревший водяной важно кивнул.

— Прирожденные воины!

— Жутко даже и помыслить о том, как вы расправились с кахаренами.

Зеленые складки на обширном челе Феоктиста пришли в движение.

— Эти подлецы атаковали озеро со всех сторон, — начал он свое излюбленное повествование, — Березняк подожгли, думали нас дымом отравить. Гу-гу!

— Ну а вы?

— Да что нам тот дым. Затаились на глубине, ждем. Кахарены на бережку возятся, советуются. Потом на лед спустились, и давай его долбить.

— Что твои дятлы, — поддакнул леший.

— Именно. Надолбили дыр, полезли в озеро. Тут-то мы их и встретили приветливо. Жезлами острыми да зубьями ядовитыми. Какая была буря! Вода кипела, вода гремела!

— Ой, выдумываешь, ой, сочиняешь. Вот так и кипела?

— Слушай, сморчок заскорузлый, ты что, образного языка не понимаешь? В переносном смысле кипела. От накала страстей. Чего я только потом на дне не находил — и оружие, и обломки костей кахаренских...

— Ну, мы им тоже спуску не дали, — Сухостоп сверкнул глазами, — Волками затравили голубчиков.

— Тоже способ...

— Волк — зверь злой. Это ежели к врагам. Особливо когда голодный. А сытым он, почитай, и не бывает. Только одно на уме — кого бы погрызть.

Патриархи помолчали.

— Чего тебе дома не сидится-то? — поинтересовался Феоктист.

— Да, понимаешь, шумные они очень, — пожаловался лесовик. — Две дочери, сын, невестка, зятья. У каждой пары — по четверо ребятишек. И того — восемнадцать голов. Бабы ругаются, сплетничают, младенцы озоруют. Схожу, думаю, на озерцо, добуду рыбки к ужину, внучков побаловать. И мне отдых, и семье польза.

— Молодец, дед, хозяйственный, — похвалил водяной и неожиданно добавил: — А я женился. Гы-гы.

— Неужели?? Опять?!

— Что значит — опять? Уже целый месяц прошел с последней свадьбы! Кровь застоялась!

— Силен, силен...

Феоктист польщенно крякнул.

— Не без того, не отрицаю. У меня только прямых отпрысков — штук триста.

— Здоровенный мужичище!

— Старый хрен борща не испортит. Эх, люблю я мальков. Как посмотришь на них — глаз радуется — шустрые, веселые, умненькие.

— А хороша ли супружница?

— Очаровательна! А как она мечет икру... Бесподобно мечет. Скоро жду прибавления.

— Поздравляю, поздравляю, — лесовик полез за пазуху и достал оттуда изящные гранатовые бусы. — Прямо как знал! Передай подарочек.

Водяной прочувствованно хлюпнул носом и исчез в проруби.

— Спасибо, друг! — молвил он, снова появляясь. — Хоть ты и похож на трухлявое бревно, сердце у тебя золотое.

На лед перед Сухостопом шлепнулись удочки и связка трепещущих окуней.

— Для ребятишек! Пусть растут здоровенькими.

Под вечер, в темноте, снег скрипит совсем не так, как солнечным утром. Хрум-хрум, хрум-хрум — угрожающе выводила тропинка. Леший упрямо брел. Мелькнула крыша лесного домика, но черная изгородь тянула, звала к себе. Прислонившись спиной к холодному дереву, Сухостоп закрыл глаза. Он и так слишком хорошо помнил, что скрывается за невысоким ивовым заборчиком. Холмики. Восемнадцать аккуратных холмиков. Шесть больших, двенадцать маленьких. Пустота, уже давно поселившаяся в его груди, снова разорвалась на тысячу мелких, невыносимо острых осколков. Услышать. Увидеть. Хоть мельком, хоть на долю мгновения. Коснуться дрожащей рукою руки.

В горле застыл тихий, безнадежный крик.

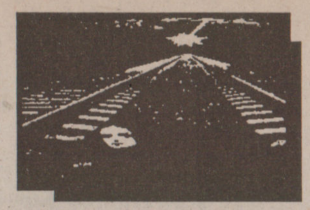
— А-а-а! — выдохнул леший.

— Убить сейчас и тебя тоже, — сказал тогда предводитель кахаренов, — было бы непозволительной добротой.

Сухостоп сел на землю. Сердце его тяжело колотилось.

«А как же Феоктист? Остался ли у него хоть кто-нибудь?» — в который раз подумал лесовик, но тут же оборвал себя. Он не знал, какой из возможных ответов покажется ему более страшным.

Лора АНДРОНОВА

Z-11
№1(112) 2003 год

Однажды вернуться

* * *

— У-у-у! — тревожный гудок разрезает сонную тишину леса.

Мимо шумных городов и небольших станций, мимо заснеженных елей и спящих озер, мимо грядущей весны и ушедшей осени несется поезд вдаль.

* * *

Тяжело, так что и не вздохнуть: ствол прижал к земле. Предательски хрустнула ветка под ногами. Мальчик тут же сбросил хлыст, присел, слился с окружающими елями, настороженно озираясь. Хоть и ночь, да все равно на лесника можно нарваться. «Еще не хватало, чтобы кто-то заметил...»

Разве он виноват в том, что теперь, когда с ними нет отца, не хватает денег на жизнь? С трудом наскребают на еду, не купить одежду, даже дрова приходится вот так — крадучись — тащить сваленные деревья из леса, чтобы дома было хоть немного теплее. Чтобы мама хоть иногда улыбалась.

Он выждал еще немного, потом привстал, забрасывая тяжелый хлыст на плечо, потащил его вперед, волоком, оставляя борозду на снегу. «С той стороны «железки» придется поднять на спину, чтобы не засекли, куда ведет след... И главное — станцию обойти сбоку. Подальше от людей. По тропке, у моста».

Заледеневшее дерево давило на спину, сбивая дыхание. Мальчик старался экономить силы, надо было до утра обязательно сделать еще несколько ходок в лес. Вот и рельсы. Он внимательно огляделся, прежде чем выбраться из кустов на открытое пространство. Никого...

Вдали послышался гудок тепловоза. Мальчик быстро скользнул на пути, потащил бревно по рельсам. Свет локомотива уже плясал на кронах деревьев, стоявших вдоль дороги.

Под тяжелой ношей снег глубоко проседал. Отпечатки ног были четко видны в свете луны. Мальчик благополучно перетащил бревно через пути, и тут неожиданно нога глубоко провалилась в снег. «Черт! Щель! Не вытащить сапог!»

Напрягшись, он перекинул ствол за рельсы, спихнул вниз, с насыпи, присел, ощупывая ледяную корку. Надо было освободить сапог, застрявший в яме, у стыка рельса и шпалы.

«Единственная пара, — мелькнула мысль. — Других нет». Сбросив теплые рукавицы, он разгребал снег ладонями, упрямо пытаясь спасти обутку. Мама купила сапоги этой осенью. Ладные, крепкие... Мальчик надеялся, что сможет протаскать обувь несколько сезонов. Досада и упрямство не позволяли ему сдаться. А когда стало ясно, что надо бежать, волна света уже накатывала из-за поворота.

— У-у-у! — тяжелый вихрь ударил в лицо.

— Мама! — крикнул он.

Черный тоннель сузился, опрокинулся, превращаясь в бесконечный колодец. Ослепительное сияние где-то впереди... Раскинув руки, он стремительно летел туда, на свет.

— Мама! — еще раз крикнул он.

Коридор рассыпался на тысячи осколков, звенящих осколков, световое пятно окутало, обволокло со всех сторон, и наступила тишина, в которой не было холода...

* * *

Пыль, и здесь пыль. На столе, мебели, подоконниках. Стереть... Даже на выцветших фотографиях. Снова зима. Мерзнут пальцы. Все труднее и труднее наводить порядок в доме. Старые фотографии — окна в прошлое. В мир, которого нет. Женщина устало водила тряпкой по стеклам. Человек в военной форме смотрел на нее с укором. «Береги сына!» — крикнула память. Женщина покачнулась, оперлась на стену. Дрожащей рукой поправила фото...

— Я берегла, — прошептала она. — Видит Бог, я старалась. А ты, почему ты не вернулся? Сел за чужое, но я ждала. Почему...

Женщина опустилась на стылую табуретку. Зима выдалась суровой. В доме было очень холодно. Дров опять не хватало...

«Где же ты, сынок? Я знаю, что ты жив. Сердце не обманешь. Я чувствую — ты где-то здесь, почти рядом. Иногда мне кажется, что до тебя — всего несколько шагов. Вот как сейчас...»

Она тяжело поднялась, поправила волосы. По привычке, машинально, не глядя в зеркало, замотала голову пуховым платком, с трудом надела старое пальто, валенки. Скрипнула ветхая дверь.

* * *

—У-у-у! — мимо покрытых снегом елей и сосен, мимо спящих озер и маленьких станций, мимо переездов с замершими машинами, мимо суетливых будней и прозрачной морозной пустоты я продолжаю свой путь.

Иногда по дороге мне встречаются шумные города, в которых много людей, и они вечно спешат куда-то по своим делам. Иногда пробегаю через маленькие поселения, где жизнь остановилась много лет назад, где все движется по инерции, как во сне. Иногда скольжу среди тишины холодного леса, и мне бывает одиноко.

Мой путь длинен. От одной крайней точки до другой и обратно — много дней: встречи, причудливые картины, необычные воспоминания, которые я перелистываю потом. Но одно место отличается от всех других...

На этой станции меня встречает седая женщина. Она ждет на перроне, закутавшись в пуховый платок. Женщина держится за перила, и я вижу: ей очень трудно стоять. Глаза смотрят прямо на меня, но не видят ничего вокруг. Губы шевелятся. Я умолкаю в такие минуты, стараясь понять, что пытается сказать женщина. Иногда мне кажется, что это очень важно. Еще немного, один шаг — и я вспомню нечто запретное, давно забытое...

Но женщина говорит слишком тихо. И никогда не заходит в вагон. Я закрываю двери и бегу дальше. Она остается и не смотрит мне вслед.

* * *

«Где же ты, сынок? Почему мне кажется, что ты рядом? Почему тянет прийти на перрон и стоять здесь, встречая поезда? Быть может, ты уехал в большой город и однажды вернешься ко мне — крепким, сильным, уверенным в себе? Как твой отец...

Я жду, сынок. Возвращайся. Я всегда буду ждать. Возвращайся... когда-нибудь».

* * *

Сегодня ее не было на перроне. Впервые за много лет. И от этого стало грустно и тревожно.

— У-у-у! — протяжный крик вспарывает морозную тишину.

Мне тоже бывает плохо... Так ли уж важно: вспомнить то, что спрятано в тайниках памяти? Я просто привык к этой женщине. Пусть мне и не дано понять — почему...

Из-под моста через небольшую речку, прямо у едва приметной тропки, на рельсы вываливается черное пятно. Что-то большое. Зверь? Человек?

— У-у-у! — как глупо. Уже темнеет, и мне плохо видно. Осторожнее там, на рельсах. — У-у-у!

Человек копошится, распрямляется, слепо щурясь от бьющего в глаза света. Все мелькает очень быстро: искры лучей прожекторов, отражающихся от рельсов; черные шпалы, сливающиеся в ленту; несущиеся мимо кроны заснеженных деревьев. Пуховый платок...

— Мама! — крик разрывает безмолвие леса, тревожа прошлое. Черные стены забвения распадаются тысячами хрупких осколков.

— Сынок... — бормочет эхо среди крон деревьев, опадая на землю комьями снега...

* * *

— У-у-у!

Мимо шумных городов и небольших станций, мимо заснеженных елей и спящих озер, мимо прошлого, которого не было, и будущего, которое никогда не случится, поезд торопится вдаль.

Виталий РОМАНОВ, г.Санкт-Петербург

СЛОВО О СЛОВАХ

Известно ли вам происхождение терминов «фантастика», «научная фантастика», которые мы так привычно употребляем? Вот что пишет по этому поводу Е.Харитонов.

«Принято считать, что термин и понятие «научная фантастика» («Science Fiction») ввел в обиход в 1926 году отец американской НФ-журналистики Хьюго Гернсбек (его именем названа престижная жанровая премия). Этот миф прочно утвердился в сознании исследователей и читателей фантастики. Почему миф? — удивитесь вы. Да потому, что с легкой руки известного русского популяризатора науки, основоположника научно-занимательной литературы и страстного энтузиаста фантастики, немало сделавшего в 1920-1930-е годы для ее популяризации, Якова Исидоровича Перельмана (1882-1942) в России термин «научная фантастика» благополучно прижился за 12 лет до «эпохального открытия» американского инженера-фантаста. В 1914 году журнал «Природа и люди» поместил единственный художественный опыт Я. Перельмана — рассказ «Завтрак в невесомости». В подзаголовке значилось: «научно-фантастический рассказ».

А вот относительно другого термина, имеющего более широкую трактовку, — «фантастика» — никаких мифов. Здесь все точно: это понятие, применительно к особому роду литературы, впервые ввел в обиход в 1830 году известный французский писатель и критик Шарль Нодье в статье, которая так и называется — «О фантастическом в литературе». Вот так, у древнейшего из искусств имя появилось лишь в XIX веке».

ИСЧЕЗАЮТ ЛЕДНИКИ КИЛИМАНДЖАРО

Ледники Килиманджаро, которые и так уже сильно уменьшились в размерах, тают настолько быстро, что к 2020 году они окончательно исчезнут. Американские ученые, собирающие информацию об уникальных ледниках самой высокой вершины Африки, также сообщили, что они нашли свидетельства трех катастрофических засух 8300, 5200 и 4000 лет назад. Они установили, что ледники начали формироваться на вершине горы, которая возвышается из саванн Танзании, 11700 лет назад. Исследователи отмечают, что площадь ледников в 1912 году составляла 4,8 квадратной мили, но к 2000 уменьшилась до 1 квадратной мили.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Уважаемые авторы "Интересной газеты"! Вместе с материалами просим высылать также копию справки с вашим идентификационным кодом, на которой указать паспортные данные и адрес прописки. Начисление и выплата гонорара без данной справки невозможны.

Редакция "Интересной газеты" просит всех авторов, чьи материалы были опубликованы в нашей газете в 2002 году, выслать ксерокопию своего идентификационного кода.

Редколлегия "ИГ"

Я наваял нетленку — что дальше?

Каждый день в каждое крупное издательство приходят десятки писем от начинающих авторов. Почти в любом — просьба о публикации. При таких объемах любая ошибка или неточность автора, которая создает для издателя затруднение, приводит к окончанию переговоров. Проблемы решать просто некогда!

Выход прост — не допускать ошибок! И в этом вам поможет данный текст, в котором подробно рассмотрены все этапы, от установления первого контакта с издателем и до подписания договора. Гарантии того, что вашу работу опубликуют, если вы будете четко следовать приведенным рекомендациям, — нет. Но в любой момент вы будете знать, что сейчас происходит, и чего не стоит делать дальше.

Текст подготовлен по выступлению Дмитрия Громова и Олега Ладыженского (Г.Л.Олди) на семинаре молодых авторов (фестиваль фантастики «Звездный Мост» 2002 года).

Введение

Будем считать, что материал для публикации у вас уже есть. Это может быть роман, несколько повестей и рассказов, — главное, чтобы суммарный объем текстов был не менее пятнадцати авторских листов. Авторский лист — это 40 000 знаков, значит, у вас должно быть не менее 600 килобайт чистого текста («text only»).

Будем также считать, что вы приложили максимум усилий, чтобы это был достойный материал. В нем нет синтаксических и грамматических ошибок, вы не раз внимательно его вычитывали и шлифовали, постоянно улучшая стиль. Сюжет логичен, а главные герои вырисованы ярко и оригинально.

Перед тем как все начнется, запомните следующие общие положения:

— не создавайте технических проблем издателю — используйте для пересылки самые распространенные форматы; если вас попросили что–то прислать (аннотацию, синопсис, заявку, описание жанра и особенностей вашего текста...), то сначала пришлите, а потом спрашивайте, зачем и т. д.;

— будьте вежливыми в любой ситуации и не будьте слишком настырными — даже если вам откажут, то вполне вероятно, что вам придется работать с этими людьми в будущем — не стоит портить отношения;

— будьте терпеливыми — приготовьтесь к тому, что процесс займет не менее полугода в самом лучшем варианте.

Первый контакт

Для начала надо провести небольшую разведку, чтобы решить, в какое издательство лучше отправлять текст. Дело в том, что большинство произведений выпускаются в рамках какой-либо литературной серии. Каждая серия ориентирована на конкретный жанр, поджанр или даже — на конкретную группу писателей. В каких–то сериях публикуются произведения только зарубежных авторов, в каких–то — только отечественных; бывают и смешанные, но реже. Вне серий могут издаваться или очень популярные, зарекомендовавшие себя ранее книги, или произведения популярного автора, где книга будет куплена «за имя», что очень маловероятно в вашем случае.

Поэтому надо выбрать выходящие в данный момент серии, в которые подходит по направленности, стилю и жанру ваше произведение. Это можно сделать с помощью Интернета, например, на сайте «Все книги фантастики», но быстрее и дешевле пойти в хороший книжный магазин и посмотреть, что лежит на полках. В этом случае вы легко сможете узнать и электронный адрес издательства, и имя редактора серии — эта информация указывается обычно в выходных данных на последних страницах книги.

Решив, какие издательства вам нужны, и раздобыв их электронные адреса, можно писать и первое письмо. Важно! Не имеет никакого смысла с самого начала посылать весь текст или объемные отрывки из него. Сейчас ваша задача — установить контакт с издателем, и только после его просьбы можно пересылать текст.

Начинать с приветствия: «Уважаемое издательство!» — никуда не годится. Письмо изначально попадает на машину секретарши, и шанс, что после такого приветствия оно пойдет дальше, не затерявшись в общей груде корреспонденции, — невелик. Лучше всего начать: «Здравствуйте, уважаемый ...», где вместо точек стоит имя конкретного редактора или куратора серии. В этом случае письмо, скорее всего, попадет по назначению. Если имени вы не знаете, то после общего приветствия попросите переслать это письмо редактору (куратору, зав. редакцией или редакционными группами) нужной вам серии.

Далее следует поместить краткую информацию о себе и о тексте. Ключевое слово — «краткую»: ваши анкетные данные и подробная автобиография на двадцати страницах издателя не интересуют. Фамилия, имя, отчество. Контактный адрес, телефон, альтернативный электронный ящик. И все. Возраст, социальное положение и т. п. указывать не надо. Оптимальный объем аннотации к тексту составляет три–четыре килобайта. В нее надо включить: развернутое описание жанра произведения (космическая опера с элементами НФ, психологическая фэнтези, хоррор на городском материале, героико–эпическая сага...), схематичный сюжет и особенности стиля изложения. Это не должно быть копией аннотации, которую вы хотите видеть на форзаце книги, и которая заканчивается словами: «а теперь переверните страницу и погрузитесь в увлекательное повествование». Нужна краткая и реальная информация. Рекламировать книгу будет издатель. Потом. Если захочет.

Если уж очень не терпится, вышлите небольшой фрагмент начала романа в запакованном виде. Подчеркивается: «небольшой».

Сообщать в письме о том, что ваши произведения находятся на таких–то и таких–то сайтах, выходили в таких–то и таких–то фэнзинах и даже получали такие–то и такие–то призы или отзывы родственников, друзей и сетевых читателей — не нужно. Издатель рискует своими деньгами, и подобная информация его не интересует. Аккуратно упомянуть можно только о публикациях в изданиях, имеющих хоть какой–то вес. Не стоит расписывать, если это произошло, что ваши предыдущие романы были выпущены в таком–то издательстве. Вы знаете о том, как редактор этого издательства относится к книгам того издательства? А если негативно? Зачем рисковать? Тем более странно, что этот роман вы несете сюда: значит, там от вас отказались?

Если же вы все–таки сообщили, что публиковались в другом издательстве в виде «сольных» книг — имейте в виду, что этот издатель почти наверняка проверит, как быстро уходили со склада и из продажи ваши книги, как вы себя зарекомендовали в том издательстве, по каким причинам ушли и т. д. Возможно, это сыграет вам на руку. Возможно — нет.

Разослав письма, самое лучшее забыть о них — легче будет ждать ответа. Даже на минуту не мечтайте, что вам ответят назавтра. Хорошо будет, если с первого раза вообще ответит хоть кто–нибудь. Прождав недели две, письмо можно (нужно!) отправить снова. В вежливой форме: «Такого–то числа я отправлял Вам письмо. Видимо, из–за сбоев в работе Сети Вы его не получили. Привожу его еще раз...» Прождав теперь неделю, шлите снова. Остановиться имеет смысл где–то после пятого–шестого раза.

Будьте вежливыми до конца. Не раз случалось, что ответ приходил через месяц или даже более, и ответ положительный. Но если к этому сроку вы уже будете угрожать или ругаться, то желание иметь с вами дело у издателя пропадет.

История появления текста довольно запутанная, поэтому в хронологическом порядке перечисляем всех, кто над ним работал:

— исходный материал: Г.Л.Олди

— обработка и подготовка текста: Хокан Лондо

— редактирование: В.Романов

— правка и дополнение: Г.Л.Олди

(Продолжение следует)

Сердце предано метели

Сверкни, последняя игра,
В снегах!
Встань, огнедышащая
мгла!
Взмети твой снежный
прах!
Я всех забыл, кого
любил,
Я сердце вьюгой
закрутил,
Я бросил сердце
с белых гор,
Оно лежит на дне!
Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!
Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!
Александр Блок,
«Сердце предано
метели»

Снег пошел с самого утра. Проснувшись, Герта увидела за окном рои белых мух. Они стремительно бросались на стекло, словно надеясь пробиться в дом, к теплу. Попытки эти неизменно оканчивались неудачей, но из низких сизых туч сыпались новые и новые легионы снежинок.

Сейчас, когда время перевалило за полдень, снег укрупнился, и за окном густо и величаво падали крупные хлопья, похожие на куриные перья. Они полностью скрывали пейзаж, прятали в белом сумраке горный склон, поросший иссиня-зелеными елями.

Как всегда в это время по субботам, Герта занималась уборкой. В камине ровно гудел огонь, громко тикали большие напольные часы, помахивая золоченым маятником. В пустом и безмолвном доме было тепло и уютно.

При взгляде на часы Герте захотелось плакать. Их привез из Зальцбурга Вильгельм, кажется — так давно, а на самом деле — всего год назад. Тогда он еще был жив, был с ней...

Чтобы сдержаться, женщина закусила губу и посмотрела в окно. Там гулял ветер. Он шуршал по крыше, безжалостно перемешивал снежинки, сбивая их в высокие белые столбы, чтобы через мгновение вновь обратить все в беспорядочную круговерть.

От вида белого пейзажа стало еще хуже. Ведь Вильгельма убил снег. Лавина — так ей сказали. Они часты в той местности, которую он непонятно зачем решил посетить ранней весной, в самое опасное время. Она поверила, хотя тела так и не нашли.

Герта смела пыль с каминной полки и перешла к шкафу, высокому и широкому сооружению из мореного дуба. При взгляде на книги, заполнившие его полки, сердце защемило, и опять захотелось плакать.

Здесь были старинные трактаты по магии. В последние месяцы жизни именно они поглотили почти все внимание Вильгельма. Герта пыталась отвлечь мужа от глупого занятия, но в ответ на ее уговоры он лишь мрачнел и замыкался. Часами просиживал взаперти, уткнувшись носом в пыльные страницы с отвратительными рисунками...

Сердце кололо так сильно, что женщина была вынуждена присесть в кресло. Пламя в камине плясало, меняя цвет с багрового на желтый и обратно, с непостижимой быстротой перетекая из одного оттенка в другой. Следя за ним, Герта ощутила себя неимоверно усталой. Веки ее отяжелели и медленно опустились...

Проснулась она от стука в дверь и в первое мгновение решила, что он ей пригрезился. Кто может стучаться в дом, расположенный в пустынной местности, где до ближайшего селения — час пути?

Но стук повторился, и Герта, ощущая легкое беспокойство, отправилась открывать. Вышла в прихожую, где сильно пахло старой кожей, и отодвинула тяжелый засов.

В первое мгновение она не поняла, что видит перед собой. Должно быть, она проспала долго, так как на улице было достаточно темно, и в этом полумраке, пронизанном хлопьями, что-то белело.

— Герта... — донесся свистящий, какой-то мертвенный шепот, и женщина зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть.

На крыльце стоял человек, точнее, человекоподобное образование, сотканное из сотен снежинок. Они причудливым образом висели в воздухе и не разлетались, несмотря на довольно сильный ветер.

— Вильгельм? — спросила она, вглядываясь в знакомое до боли лицо, черты которого угадывались явственно, несмотря на расплывчатость контуров.

— Это я-ааа, — ответила белая фигура и чуть покачнулась, на миг потеряв очертания. Однако снежное облако вновь собралось, и теперь перед Гертой точно был ее муж. Погибший почти девять месяцев назад.

— З-зайдем, — сказала она, ощущая, как ее трясет от холода.

— Я не могу, — вздохнул он, и в полусвисте-полушепоте, похожем на плач метели, ей послышалась печаль. — Там слишком теплоо...

Налетел ветер, залепил лицо горстью мокрого снега, но когда она протерла глаза, Вильгельм все еще стоял перед ней — гротескная фигура из ночных кошмаров.

— Пойдем со мноой, — выдохнул он.

— Куда? — спросила она, цепляясь за косяк, чтобы не упасть. Последние силы уходили из нее вместе с теплом.

— Тудаа, — он показал себе за спину, где бесновался и ярился снегопад, покрывая старые сугробы свежими белыми простынями.

— Туда? — тупо спросила она, изо всех сил стараясь не верить происходящему.

— В свободу-у, — почти пропел он. — Я ведь не умер тогда... Я лишь исполнил свою мечту, с помощью одного древнего ритуала слив тело и разум со снегом...

Белая фигура заметно уплотнилась, и голос Вильгельма звучал почти нормально, лишь иногда в нем проскальзывали шипящие нотки.

— И ты хочешь, чтобы я стала такой же? — спросила она, сдерживая спазм в горле. — Бросила все и ушла с тобой в этот холод и мрак?

— Что тебе в мире людей? — спросил он. — Мелкие заботы и несчастья, болезни и смерть... А здесь — дикая, бесконечная свобода, веселье клокочущей ледяной ярости... Возможность летать повсюду, быть вечным, неуязвимым, бессмертным...

— Нет! — крикнула она, из последних сил отшатываясь от страшной фигуры во мраке. В ушах мгновенно вырос гул, перед глазами все закрутилось, и она рухнула в серую пустоту обморока...

Очнулась она в кресле. В комнате было почти темно, лишь светились багровым угли в камине.

«Всего лишь сон, — думала Герта, ощущая, как колотится сердце. — Привидится же!»

Она встала и зажгла свечу. И тут же, повинуясь непонятному импульсу, пошла в прихожую. Дверь была заперта, как и положено, но перед ней, на полу, блестела довольно большая лужа, словно от растаявшего снежного кома...

И, прислонившись к косяку, Герта заплакала, горько-горько. А за стенами продолжала бушевать пришедшая с Альп метель, щедро высыпая на склоны и в долины вороха разнокалиберных снежинок...

Дмитрий КАЗАКОВ

ДРЕВНИЙ ГОРОД НА ДНЕ МОРЯ

Канадским исследователям из компании «Advanced Digital Communications» (ADC) совместно со специалистами Кубинской академии наук удалось подтвердить наличие на дне Карибского моря у побережья Кубы загадочных каменных сооружений. По мнению ученых, эти сооружения могут быть творением неизвестной до сих пор древней цивилизации. По предварительным оценкам, возраст подводного города составляет по меньшей мере 6000 лет, то есть он на 1500 лет старше пирамиды Хеопса. В то же время исследователи подчеркивают, что не смогли точно определить характер обнаруженных объектов, поэтому нужны дополнительные исследования.

Впервые странные объекты были обнаружены специалистами ADC в июле 2000 г. на глубине около 630 м у западной оконечности Кубы. С помощью специально разработанных эхолокаторов была получена карта донного плато, на котором располагались каменные сооружения, по форме напоминающие городскую застройку, частично засыпанную песком. В этом году для дополнительного исследования необычной находки была использована миниатюрная подводная лодка, с помощью которой удалось заснять наиболее интересные части таинственного города. При этом ученым удалось получить изображения массивных блоков из материала, похожего на гранит. В очертаниях преобладают прямые углы и круговые элементы, некоторые из них имеют форму пирамид. Это, по словам ученых, является прямым признаком искусственного происхождения данных сооружений.

По словам сотрудницы ADC Полины Залицкой, ранее, кстати, проживавшей в СССР, город мог быть построен неизвестной до сих пор древней цивилизацией, а его затопление может быть связано с вулканической активностью. При этом обнаружение близ Кубы древнего города может служить подтверждением того, что этот остров когда-то был частью Американского континента, позднее оторвавшейся от него

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ — ИНТЕРНЕТ-КАФЕ

Молодой человек из Тайваня по прозвищу «Зеленый гигант» провел у компьютера в одном из Интернет-кафе непрерывно 9 месяцев. За все это время он отлучался лишь изредка. Даже еду ему приносили прямо на «рабочее место». Соответственно, все 9 месяцев интернетчик ни разу не мылся.

«Зеленый гигант» объяснил свой выбор тем, что в Интернет-кафе не берут денег за проживание. А учитывая то, что компьютерный фанат не работает, он был весьма заинтересован в том, чтобы сэкономить на жилье.

Роман, похожий на улитку

— Вы любите читать! — сказал он мне.

Конечно, люблю, но я воспринял эту фразу как посягательство, как вторжение. Все-таки — личное, а тут незнакомец среди бела дня подходит и объявляет об этом на весь мир. Я даже чуть-чуть отшатнулся и собирался сказать что-нибудь резкое, но, увидев очень открытое, располагающее к себе лицо, смолчал.

— Я часто вижу, как вы выходите из этой библиотеки с книгами под мышкой. У меня острое зрение, иногда случается разобрать фамилии авторов. Надо признать, вкус у вас недурной.

Лет моему неожиданному собеседнику под пятьдесят, голова сияет лысиной, телом сух, а в интонациях — доброжелателен.

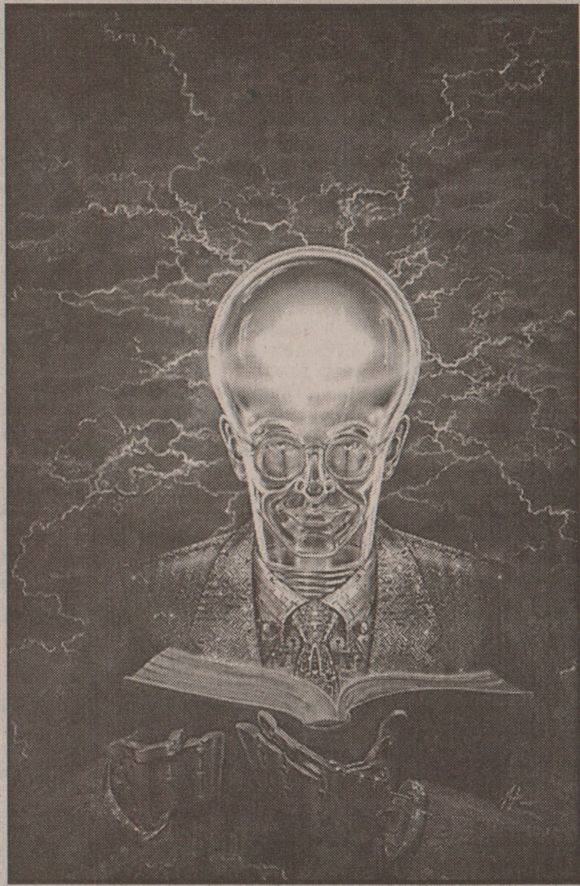
— Я тоже много времени посвящаю чтению. Но к вам подошел не для бесед о литературе. У меня просьба. Видите, — он показал мне три толстых тетради. — Хочу, чтобы вы прочли. Я убил на это пятнадцать лет. Десятки раз переписывал каждое предложение. Вы знаете, конечно, об эфемерности слов. Смыслы их истираются, меняются, добавляются всякие нюансы и неожиданные значения. От этого книги «плывут». Через десять лет в них уже читается не то, что было написано, а через сто — и говорить нечего... Как сушеная роза в сравнении со свежей. Сейчас моя книга — свежая роза, она благоухает, полна соками. Пока я буду проталкивать ее через издательства, пока ее напечатают — что совсем не обязательно, — половина ее достоинств истает навсегда... Есть, правда, еще одно место, которое мне хочется поправить, но...

Возьмите — не пожалеете! Мне очень важно, чтобы прочитал хоть кто-то, способный понять! Среди моих знакомых таких людей больше нет...

Он почти насильно втиснул тетради мне в руки.

— Прочтете — встретимся еще. Счастливо!

Тронул мое плечо, обогнул меня и быстро пошел прочь. Я мог бы догнать эту блестящую сферу — нет, скорее лампочку, вкрученную в ворот жухлого коричневого костюма (отчего иные черепа так похожи на лампочки?), но зачем? Он не дал мне вставить ни слова и явно не собирался со мной общаться.

С тоской посмотрел я на тетради. Рукописей только не хватало! Разбирать чей-то почерк, протискиваться сквозь зачеркивания и правки...

Неподалеку стояла урна. Секунду назад чья-то рука ловко бросила в нее окурок — и не попала. Один шаг, одно движение — и годы чужого труда больше не будут висеть над душой... А вдруг действительно — роза?

Я бегло заглянул в одну тетрадь. Ничего страшного. Почерк немного небрежный, но вполне понятный. Ну что ж — это даже забавно!

Что странно — нигде нет названия. Тетради пронумерованы, странички в них тоже, а названия нет! Неужто за пятнадцать лет так и не придумалось?

Читать я все же взялся. С недоверием и опаской. Это долго не давало «разогнаться». Да еще некоторые неровности, сбивки стиля работали как подножки. Ну и, конечно, непросто было привыкнуть, что не шрифт передо мной по линеечке выстроен, а прыгающие торопливые записи.

А начало... Не было никакого начала. С полумысли, с полуфразы пришлось вникать.

К середине первой тетради я все-таки втянулся и увлекся. Даже спать пошел на пару часов позже обычного. На следующий день, когда дорвался до чтения, и вовсе спать не лег, пока не закончил всю рукопись. И чем ближе подбирался к последней страничке, тем сильнее закипало во мне беспокойство. Что-то должно было случиться, но не случалось. Финальная фраза повисла в воздухе. Не хватает. Хотя... Я вспомнил смутные намеки из первой тетради и открыл ее. Ну да! Вот оно — начало оказалось тем самым недостающим продолжением!

Кажется, кто-то из великих уже пускался на подобные уловки.

Но вот пересматриваю начало — а оторваться не могу. Все иначе — не это я доселе читал! Нет, слова прежние, а вот я — другой. Там, где виделась мне патетика — теперь скалится издевка и пародия. Герой словно встал на голову и приглашает полюбоваться перевернутым миром.

В последующие дни я с удивлением перечел рукопись и опять вернулся в начало. И снова книга виделась мне другой. Во всем сквозила теперь горечь и боль. Только и общего с прошлыми заходами — нарастание беспричинной тревоги к концу.

Не надо думать, будто я ничего иного не делал, а целыми днями шуршал страницами. Ничуть. Жизнь текла своим чередом. Я встречался со знакомыми, ходил на службу и покупал себе еду. Но как-то по инерции, автоматически. А еще у меня изменилась походка. Так сказала мне мама. И впрямь — я стал ходить, повинуясь ритму пропитавшей меня книги. В ее гипнотическом пространстве я продолжал описывать круги.

Четвертый круг не добавил почти ничего. Пришло отстранение, я видел теперь все разноцветные слои текста, все петли и замки, когда фраза первого круга, усиленная неким пассажем из второго, намертво зацепляется за реплику из третьего, и все разом образует удивительный мысленный узор. Хотя нет, не узор — аккорд, звучный аккорд в симфони-рондо.

Но эта тревога в конце... Предупрежденный уже трижды, я опять попался в ту же западню! И как зомби ввинтился в новый круг...

Теперь не так блистали эффектные, яркие куски. Их притушили повторы. Зато другие, короткие и простые, вдруг обжигали, как капли расплавленного свинца. А история снова была не та! Как я раньше не заметил, что герой постоянно путает действительность со своими грезами! А по ним ясно видно, чего ему не хватает, и что окружает его наяву. Он, как и я, еще не болен, но на грани...

А вот громила-скрипач трет глыбой канифоли трехметровый смычок и натягивает мои нервы на свою скрипку — снова близится конец третьей тетради. Отпусти колки, хватит! Я больше не выдержу!

Заминка, перебой — фу-у-у! — отпустило... На последние семь страничек сил уже нет.

Есть книги, которые консервируют язык, не дают ему испортиться под натиском юного стеба, а эта — напротив, состаривает слова, выжимая из них последние смыслы. Потому я и не мог больше терпеть ни радио, ни телевидения, ни газет. Там виделись мне высохшие трупики слов, подобные невесомым горстям комаров, копящихся летом в абажурах ламп.

Два месяца я и читать не мог. Все казалось: за Книгой не двенадцать дней — десяток лет прошло. Ее мысли и слова бродили во мне подобно виноградному суслу. Когда ж улеглось, успокоилось, я неожиданно понял, КАКОЕ место хотел поправить писатель с головой-лампочкой. Ту самую спасительную заминку в конце. Если поменять всего два слова, я бы наверняка умер.

И я знаю, ЧТО должно там стоять!

* * *

Вот уже неделю дежурю я на лавочке у библиотеки. Осеняемый толстенными липами, жду безвестного автора.

Если б вы знали, как тянет меня изменить ТО место! Как тяжко знать способ довести нечто до совершенства — и не делать этого!

Чтобы подавить соблазн, продумываю наш будущий разговор.

Первая фраза. «Вы — гений!» Или: «Здравствуйте, ваша гениальность!»

И дальше: «Конечно, идея изящна — когда текст свернут в спираль, а выглядит кругом. Но... Не каждый догадается начать все сначала. Не всякий в конце упомнит, какие фразы были первыми. А если решит перечесть через несколько лет... Да вы и сами говорили: сушеная роза.

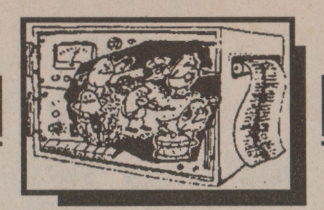
...но какой блеск: читатель совмещается с героем, и в конце, на самом тугом витке, свершив положенное, умирает (ну — почти умирает) вместе с ним!»

А после: «Но сила ли это? Смерть неизбежна, поэтому достойно ли ставить такую цель? Подталкивать ко гробу тех, кто и так туда идет? Труднее указать такие уголки, такие грани жизни, что даже отчаявшийся потянется к ней, как к родной! Напишите об этом!»

В этот момент мне становится ясно, что он не придет. Отдав мне рукопись, он не избавился от книги. Она продолжала вертеться в его мозгу и добила его.

О радостях писать придется мне...

Сергей РЫЛОВ
(Алексей РЫБКИН)

Никогда не отправляйте ифритов по почте!

А.Бачило «Незаменимый вор»

Никогда не отправляйте ифритов по почте. Тем более в бутылках из-под дорогого коньяка «Наполеон». Кто знает, куда они попадут в итоге?

И будешь потом мотаться по Дороге Миров, собирая — бутылочку там, бутылочку сям. А ведь ифриты — существа с совершенно чуждой человеку логикой. И любят, понимаешь, превращаться в того, кто эту самую заветную бутылочку раскупорит. А незадачливого любителя коньяка — на свое место. В смысле — в бутылку. Поищи-ка потом этого ифрита по Миру да попробуй восстановить статус-кво. А ведь ифрит-то не один, а целых девять. Вот такая нелегкая задачка.

Героям романа московского писателя Александра Бачило «Незаменимый вор» пришлось испытать все это на своей шкуре. А компания подобралась та еще: межмирный мошенник и авантюрист Христофор Гонзо, киевская княжна и по совместительству ведьма Ольга, гвардеец герцога Нью-Йоркского астрогонщик Джек Милдзм, он же — граф Бруклин. Что им стоит устроить спиритический сеанс для помещиков-соседей в мире Хвалынь-1853, разгромить в пух и прах две бандитские группировки в Н-ске-2000, держащие в страхе целый город, или, например, пробраться в «святая святых» телевидения — на Останкино! Ведь ифриты нужны им позарез. Да, кстати, а зачем они им так нужны? Об этом читатель узнает, только дочитав роман до конца. Впрочем, это будет несложно.

«Фарс, трагикомедия, смешение жанров, черт побери...» Именно так можно сказать о романе. Прибавляем сюда живой язык — и можем смело рекомендовать книгу в качестве легкого ненагружающего чтения. Прыжки по Мирам, перестрелки, нежные чувства героя к героине на фоне очередного Вавилона — Москвы смешанных эпох... Что еще нужно для того, чтобы отдохнуть телом и мыслями после напряженного трудового дня?

А по дороге вам еще расскажут сказочку а-ля Шахерезада...

Lyoleek

Путешествие туда, где нас нет

Р.Хайнлайн «Число зверя»

«Число зверя» — это книга, в которой писатель-демиург осуществляет самые невозможные мечты.

Детскую мечту попасть в сказку. Оставаясь в рамках очень строгой научной фантастики (возможно, кому-то удастся вникнуть в теории Джейкоба и разобраться со всеми этими вращениями-смещениями, — я же не настолько умна, как героини Хайнлайна), автор переносит героев в Страну Оз, устраивает встречу с Льюисом Кэрролом...

Мечту подростка о путешествии на Марс. Наконец-то люди могут отправиться на Красную планету — да не одну, а на разные ее «воплощения»!

Мужскую мечту о женщинах, ум которых не уступает их красоте, при том что красота — ослепительна. А поскольку эти женщины умны, они берут на себя командирские функции, давая мужчинам возможность побрюзжать, и не ломаются, когда хотят получить удовольствие.

Женскую мечту о свободе от быта. Беременность не удержит от подвигов и приключений, так что, слегка «попрыгав», можно найти и такой чудесный мир, где грязная одежда с тебя просто смывается!

Мечту автора о новых встречах со своими героями. Хайнлайн не просто «вызывает» своих персонажей из книг постоянной прописки, но и сводит друг с другом. И они отлично ладят!

Мечту писателя о мести критикам. Собрать их всех, не умеющих толком читать, в одной комнате, выдать диктофоны без пленок, пишущие машинки без лент, обеспечить бесплатным баром без выпивки и столовой без еды — что может быть слаще!

Нигилистическую мечту о бесконечности вариантов власти. Стоит подкрутить верньеры на Ае Плутишке — и ты попадешь в Америку с другими президентами; с «добрыми президентами»; вовсе без президентов...

А главное, вечную человеческую мечту — в мгновение ока попасть туда, где нас нет!

Марина ЛЕС

Скромное обаяние оборотня

Л.Каганов «Харизма»

Очередной сценарий захвата Земли злокозненными инопланетянами! Похищение трех групп людей четырех полов (один женский, три почему-то мужские) для последующей трансформации! Полная физиологическая, ментальная и поведенческая перестройка! Оборотни на телевидении! Оборотни в политике! Оборотни в большом бизнесе! Оборотни в спецслужбах!

Оборотни против спецслужб! Союз оборотней и спецслужб ради спасения человечества!

Такой вот коктейль выплескивает на голову ошарашенного читателя молодой московский писатель Леонид Каганов. Ошарашенный читатель отфыркивается, переводит дух, вопрошает: а где же выход?

Оказывается, выход есть. Спасти человечество может хакер. Хитроумный хакер, отвязанный хакер, ха-ризма-ти-чес-кий! Потому что компьютеры — они и у продвинутых инопланетян всего лишь тупые железки, на которые непременно найдется у переживших века естественного отбора землян свой болт с левой резьбой. Так что трепещите, коварные зеленые человечки, — против вас играет Алекс Матвеев, человек и оборотень!

Роман КАРАКОЗ

МИККИ-МАУСУ 700 ЛЕТ?

До сих пор считалось, что Микки-Маус был придуман в 1928 году. Первым мультфильмом, в котором «снялся» прославившийся впоследствии на весь мир мышонок, назывался «Пароходик Вилли». Но вот недавно во время раскопок в церкви деревни Мальта на юге Австрии была обнаружена фреска XIV века, изображение на которой совершенно однозначно наводит на мысль о Микки-Маусе.

На фреске изображен курносый мышонок с огромными круглыми ушами — ни дать ни взять Микки. В связи с этим менеджер местного туристического агентства уже объявил, что в результате открытия знаменитого героя Диснея следует считать выходцем из Австрии.

Однако сам историк-первооткрыватель совершенно не уверен в том, что на поврежденной долгими столетиями и водой фреске изображена именно мышь. Специалисты говорят, что на самом деле героем фрески мог быть горностай, потомство которого, как считали в средние века, рождается через ушные раковины.

Тем не менее, владельцы местных лавочек уже готовятся к наплыву туристов, которые наверняка захотят своими глазами посмотреть на 700-летнего Микки-Мауса. А некоторые наблюдатели намекают, что открытие древнего произведения может положить конец авторскому праву компании «Disney» на использование одного из их персонажей.

АМЕРИКА БУДЕТ ПУГАТЬ ВРАГОВ ДЕТСКИМИ КРИКАМИ

Пентагон занимается разработкой нового типа оружия, в котором в качестве поражающего фактора будет использоваться звук. Американское звуковое оружие будет использовать для отпугивания вражеских войск один из самых страшных звуков для человека — плач ребенка.

Звуковое оружие будет иметь направленное действие, причем специальная «гиперзвуковая акустическая система» предусматривает воспроизведение детского плача только тогда, когда два ультразвуковых сигнала достигнут жертвы. Владелец звукового ружья устрашающих криков (проигрываемых, кстати, задом наперед) не услышит.

Громкость звука составит 140 децибел, что сравнимо с грохотом реактивного пассажирского авиалайнера, взлетающего прямо у вас над головой. Предполагается, что после звуковой атаки вражеские солдаты в страхе разбегутся с поля боя, испытывая при этом невыносимые головные боли. Использоваться новое оружие будет для успокоения мятежных толп, «выкорчевывания» бойцов Аль-Каеды из горных пещер и поражения команды военного судна на расстоянии.

...к звездам!

Водку пили прямо из фляжки — по кругу. Соответственно и язык развязывался в том же порядке, следом за фляжкой, и тематика была подходящей — о надписях на заборе.

— Самая большая надпись, которую я когда–либо видел, — неторопливо начал доктор, — была на большом таком постаменте. В Прибалтике, как ни странно. Стоял там раньше советский танк, потом его своротили, а на каждой стороне постамента написали, соответственно, по букве.

— Так ведь стороны–то четыре? А букв — три!

— Это у нас — три. А ближе к западу — четыре. Это в смысле у немцев. А у англичан и американцев так и вообще пять.

— А ближе к востоку?

— Ну... — переводчик глотнул водки и шумно вздохнул. — У арабов, например — три. Кир называется. А она — кос, соответственно. Помню, еще товарища Косыгина старались в Ирак не посылать. И о кирпичных домах не разговаривать. А у китайцев?

Невысокий узкоглазый инструктор пожал плечами:

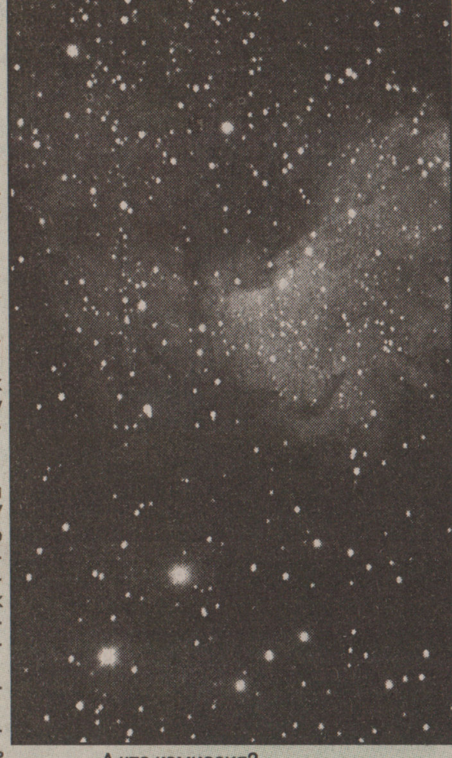
— У китайцев диалектов больше, чем самих китайцев. Есть три, есть две. У какого–то африканского племени, я слышал, — вообще одна.

— Во! — поднял палец командир. — Чем примитивней цивилизация, тем короче. А чем развитей, тем...

— Да нет, — со знанием дела выступил доктор. — У негров–то как раз длинней.

Все засмеялись.

— Но на постаменте — это не круто, — продолжил тему радист. — Помню, жил я как–то в общаге... Общаги наши стояли строем — три девятиэтажки в ряд. И во время какой–то комиссии решили мы приколоться. Договорились, чтобы во всех комнатах свет выключили, а в некоторых — зажгли. Ну и получилось — три буквы, каждая высотой метров двадцать.

— А что комиссия?

— А что комиссия... Вдули комендантам, те вычислили, какие комнаты могли, так сказать, выступить в роли лампочек в этой надписи, — и во время следующей проверки свет у них отключили. На всякий случай.

— И что?

— Да ничего. Мы договорились, и все остальные комнаты свет зажгли.

Все на секунду задумались, затем так же дружно грохнули смехом. В самом деле: хоть черным по белому, хоть белым по черному — эффект одинаковый.

— Это что, — радист снова глотнул из фляжки, закашлялся и передал дальше. — Товарищ рассказывал — залез, значит, когда–то на Останкинскую телебашню. Вниз глянул. И обомлел. Внизу... старательно так... вытоптано. По пятьсот метров буква, во!

— Ого!

— Да и это фигня, — снова влез командир. — Возвращался я как–то из... ну, короче, самолетом возвращался. На душе мерзко так было. И тут... уже при заходе на посадку, представляете? — не то, что вытоптано! Не иначе, как бульдозером утрамбовано! Только с самолета и увидишь, зато эффект!

Тут уже было не до смеха, а доктор даже головой закрутил — вот это масштаб! И ведь бесплатно и добровольно люди работали! А говорите, не осталось уже идеалистов! Идеи, правда, сменились, ну да это мелочи, что коммунизм, что религия — один... черт.

В слове «черт» обнаружилось не три, а четыре буквы, и разговор снова перешел на количественные показатели.

— А что, скоро американцы и на Луне смогут надпись сделать, — ни к кому не обращаясь, скривился радист. — Такую, чтобы нам снизу видно было.

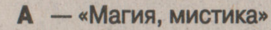
Все, не сговариваясь, задрали головы. От Луны оставался крохотный серп, и надписи не нем еще не было. Успокоенно вздохнули, глотнули еще...

— Черные созвездия... — сказал вдруг инструктор. — Это в одной книге так обозвали формы, образованные темными промежутками между звездами. Я все никак не соберусь присмотреться — может, и вправду...

Все снова дружно задрали головы. На фоне знакомых созвездий отчетливыми черными прожилками выступали странные символы — вроде иероглифов, но попроще.

— Командир, — вдруг изменившимся голосом сказал доктор. — Слушай, ты из нас самый трезв... в смысле, самый трезвомыслящий. Мне мерещится, или этих символов и в самом деле шесть?! Что ты там говорил об уровне развития цивилизации?

Радий РАДУТНЫЙ,
г.Харьков

"ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА" – ЦЕ:

A — «Магия, мистика»	Ee — "Помоги себе сам"
Aa — "Магия для семьи"	F — «Для женщин»
A+ — "Оракул"	Ff — "Хозяюшка"
B — «Экзоэротика»	G — «Загадки цивилизации»
Вв — "Моя экзоистория"	K — «Криминоген»
D — «Невероятное»	L — «Лабиринты любви»
Dd— "Мир непознанного"	R — «Для мужчин»
D+— "Антимиры"	S — «Special»
E — «Исцеление»	X — «Икс-блок»

За повідомленнями кореспондентів "ИГ" і матеріалами вітчизняної та зарубіжної преси, мережі Інтернет

Z 193-208 ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА ПРОСТО ФАНТАСТИКА

Видається з 1993 року
Реєстраційний номер
КВ № 408 від 1 лютого 1994 р.

№1(112), 2003 р.

ЗАСНОВНИКИ, ШЕФ-РЕДАКТОРИ:
Анатолій КАЦАЙ,
Олександр КОРОЛЬОВ

ЗАСТУПНИКИ ГОЛОВНОГО РЕДАКТОРА:
Олексій СОКУР,
Надія ЮРЧЕНКО

РЕДАКЦІЙНО-ВИДАВНИЧА РАДА:
Сергій МОГИЛЬНИЙ, директор
Ольга ОПАНАСЕНКО член ради
Степан ІВАНУС відповідальний секретар
Віталій БОБЕР, заступник директора по збуту
Ірина БОРЗОВА, головний бухгалтер
Олександр ШЛАПАЧЕНКО, начальник відділу збуту

ВИДАВЕЦЬ:
Редакційно-видавнича фірма

Адреса редакції:
03047, Київ-47,
просп. Перемоги, 50, к.463
Тел.: (044) 441-82-59, 441-88-02
Факс: (044) 446-91-26
E-mzil: postmail@avkpress.kiev.uz

ВІДДІЛ РОЗПОВСЮДЖЕННЯ
(044) 441-82-57

РЕКЛАМНИЙ ВІДДІЛ
(044) 441-83-69

Комп'ютерний дизайн та верстка
Олексій СОКУР
Коректор
Наталія ГЕТЬМАН

- Друкується мовою оригіналу
- За зміст і достовірність публікацій відповідальність несе автор (рекламодавець)
- Листування з читачами — тільки на сторінках газети
- Рукописи не рецензуються і не повертаються
- При передруку посилання на "ИГ" обов'язкове

Віддруковано на комбінаті друку видавництва «Преса України». 03047, Київ-47, пр.Перемоги,50
Загальний наклад "ИГ" 666110
Зам. № 3213189 від 28.11.2002 р.

